

18+

Даниил Ридигер

**Сумрак
закатной тени**

Даниил Ридигер
Сумрак закатной тени

«Издательские решения»

Ридигер Д.

Сумрак закатной тени / Д. Ридигер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532883-0

Книга о людях викторианской Англии конца 40-х — начала 50-х годов XXVIII века. О привязанности, которая заставляет людей сорваться из родного гнезда и отправиться в неизведанные места, узнавая о непростой жизни обитателей разных уголков большого города.

ISBN 978-5-00-532883-0

© Ридигер Д.
© Издательские решения

Содержание

СУМРАК ЗАКАТНОЙ ТЕНИ	6
ПРОЛОГ	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сумрак закатной тени

Даниил Ридигер

© Даниил Ридигер, 2021

ISBN 978-5-0053-2883-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СУМРАК ЗАКАТНОЙ ТЕНИ

– Люди забираются в скорые поезда, но они сами не понимают, чего они ищут, поэтому они не знают покоя, бросаются то в одну сторону, а то в другую... И все напрасно... Глаза слепы. Искать надо сердцем

Антуан де Сент-Экзюпери. Маленький принц.

ПРОЛОГ

– Скотти, идем ужинать!

Юноша отложил в сторону перочинный нож, взял холщовую сумку и зашагал к дому. На крыльце он остановился, прикидывая, куда бы поставить башмаки, чтобы не получить оплеуху от отца. Окинув тоскливым взглядом угол, где стояли рыболовные снасти, он шагнул в столовую, едва не споткнувшись о старый потертый сервант. Кроме серванта в столовой стоял вытянутый прямоугольный стол, за которым уже сидели мать и младший брат Джорди, в углу помещалась небольшая тумба. На тумбе, кроме вазы с гвоздиками, стоял горшок со свежим парным молоком, которое мать каждый вечер выменивала у Дикенсонов. Старая Нэн заканчивала накрывать на стол, братишка приветливо махнул юноше. Скотти сел за стол, и, кивнув матери, взял из хлебной корзины краюху.

Дверь отворилась, и на пороге показался хозяин дома. Грузный мужчина с красным от пота лицом шумно прошагал в столовую и уселся за стол. Некоторое время ели молча. Отец сегодня выглядел недовольным. Доев похлебку и запив ее пивом, он устремил взгляд на юношу.

– Мне кажется, мой сын превратился в настоящего бездельника. Никакой пользы, одни убытки.

– Но, Эдвин! Он помогает тебе работать в поле и время от времени приносит в дом рыбу и птицу.

– Молчи, Крис! Сын стал настоящим лентяем. И поэтому с завтрашнего дня он будет проводить все время со мной в поле до конца сезона, а там посмотрим.

Хозяин дома допил пиво и, встав из-за стола, вышел во двор. Юноша, бросив недоеденную краюху, рванулся было за ним, но мать схватила его за рукав рубахи.

– Скотти, ты же знаешь, что с отцом нельзя спорить! Его жизнь тяжела, он работает с утра до ночи, чтобы прокормить меня, тебя и Джорди. А его здоровье, и так не железное, постепенно ухудшается. Он стал часто хрипеть и бредить во сне: годы и работа берут свое.

– Ма, перестань!

– Не спорь и сделай так, как он сказал. Не хватало нам еще семейных раздоров в эти трудные времена!

– Ма, а почему ты все время говоришь, что нам тяжело жить? – подал голос Джорди. – У нас почти каждый день есть свежий хлеб и молоко, Скотти иногда угощает меня вкусной рыбой и ягодами из леса!

– Довольно! Марш спать оба!

Братья переглянулись и уныло побрели в спальню.

– Доброй ночи, Скотти, – пробормотал Джорди. Спать ложились, как обычно, одетыми. Холодные вечера позднего августа постепенно давали о себе знать.

– Доброй ночи, братишка, – ответил юноша и повернулся набок. Было слышно, как у соседей в хлеву мычит корова, ржут лошади в стойлах и ветер раскачивает незакрытые ставни.

Смеркалось. Нэн поднялась из кухни, чтобы потушить светильник. Хозяин дома вернулся со двора и громко хлопнул входной дверью. Двери в это время года редко запирались на засовы: не от кого было закрывать, потому что сторонний человек появлялся в этих краях довольно редко, а диких зверей можно было не опасаться. Но порывы холодного ветра все чаще врывались в дом по ночам, предвещая наступление осени. Кроме того, сохранились некоторые суеверия, без них не обходится почти любое человеческое общество. К счастью, здесь они были достаточно примитивны и часто подвергались сомнению служителями местной церкви, расположенной на холме за полем, куда фермеры каждое утро выводили скот.

Джорди некоторое время ворочался на тюфяке, но вскоре успокоился и притих. Прислушиваясь к его мерному посапыванию, Скотти осторожно встал и, стараясь не скрипеть половицами, вышел из спальни. В доме было тихо. Юноша подошел к окну, дождался, пока утихнет порыв ветра, открыл ставни и выпрыгнул наружу. В этой части дома ночью редко кто появлялся, кроме того, юноша рассчитывал вернуться до рассвета.

Оказавшись на улице, он, стараясь держаться подальше от дворов, направился к ближайшей буковой роще. Миновав ее, приблизился к одному из дворов, некоторое время посидел неподвижно в высокой траве, прислушиваясь. Все было спокойно, лишь порывы холодного ветра время от времени проникали под одежду, заставляя юношу поеживаться и стучать зубами. Выбравшись из травы, Скотти перелез через изгородь и осторожными неслышными шагами добрался до тыльной стороны двора. Там он нашел знакомую тропинку и спустился по ней вниз к озеру.

Меллони ждала его в условном месте и выглядела слегка взволнованной. Когда юноша подошел к ней и обнял, он заметил легкую дрожь ее рук.

– Тебя что-то тревожит?

– Ты сегодня позже обычного...

– Прости, мне пришлось задержаться, чтобы уйти незаметно. Но ты вся дрожишь!

– Мне холодно.

Он притянул девушку к себе, стараясь поделиться теплом своего тела. Из-за туч показался месяц и осветил темную водную гладь озера. Желтые листья падали с ив и буков, ветер подхватывал их и уносил прочь. Где-то вдали судорожно прокаркал ворон и раздалось глухое уханье филина. Порывы ветра гнали короткие волны на поверхности озера, создавая впечатление начинающегося шторма. Вновь набежали тучи, скрыв месяц, и водная гладь стала, как и прежде, темной и недоступной.

Молодые люди неспешно прогуливались по берегу, держась за руки. Время от времени девушка вздрагивала от очередного порыва ветра, и Скотти обнимал ее в попытке согреть. Так они стояли, обнявшись, некоторое время, затем вновь шли дальше вдоль берега.

– Мы стали реже видеться, – молвил юноша. Меллони вздохнула и крепче сжала его руку.

– С момента нашей последней встречи я кое-что написал тебе, послушай:

You are like a flower in the night
If my thoughts were not so high
I would not have fallen in love
Which will never be enough

I love you selflessly, my dear
Believe me, I have a plan
No hesitation and no fear
Be ready to rejoice again

Его подруга покраснела румянцем и улыбнулась.

– Красиво. Ты сам написал?

– Конечно, ведь ты вдохновляешь меня!

Девушка еще больше покраснела и крепче сжала руку.

– Как дела у почтенного Квинтина?

– Неплохо, и будут совсем замечательны, если отец не узнает, где я сейчас нахожусь.

Юноша счастливо рассмеялся.

– Это останется нашей тайной до тех пор...

– До тех пор, пока что?

- Пока я не наберусь смелости и не отправлюсь к твоему отцу просить твоей руки.
- Ты никогда не решишься сделать это, особенно теперь, когда времена изменились! – гневно возразила девушка.
- Меллони, мне кажется, или тебя действительно что-то тревожит?
- Скотти схватил девушку за обе руки и попытался притянуть к себе, но та отстранилась.
- Что происходит, Меллони? Ты и правда чем-то взволнована!
- На лице девушки показались слезы.
- Я сказала, что времена меняются, ничто уже не будет прежним, – сквозь слезы пробормотала она.
- Так что случилось-то? Расскажи!
- Меллони вздохнула и поправила волосы.
- Сегодня утром отец ездил в Хантингдон продавать сукно. Там он встретился со слугой давнего знакомого нашей семьи Бертона. Тот сообщил, что сын эсквайра собирается жениться. Когда пару лет назад Бертон приезжал с сыном к нам на ферму, Кортни не сводил с меня глаз, но я тогда не придавала этому значения.
- Он хочет на тебе жениться?
- Да.
- Но ты можешь отказаться!
- Лицо девушки снова покрылось румянцем.
- Я не могу противиться воле отца!
- А как же мы с тобой?
- Не смей говорить о нас с тобой! Нам не суждено быть вместе!
- Меллони...
- Юноша снова попытался обнять ее, но девушка вырвалась, и, закрыв лицо руками, бросилась в сторону тропинки. Скотти остался на поляне рядом с озером, совершенно обескураженный. Ветер, стихая, гнал по поверхности воды легкую рябь. За облаками вновь показался бледный месяц. Падающие листья уже не уносились ветром, а медленно устилали поляну. Юноша растерянно постоял на берегу озера, затем, дрожа от холода, побрел домой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Человеческая жизнь похожа на непрерывную цепь кризисов, успеха, удовольствия, разочарований и переживаний. Иногда эти явления чередуются, иногда следуют друг за другом сплошными полосами, заставляя человека испытывать сильные эмоции. Некоторые впадают в уныние после очередной порции кризисов, полагая, что в их жизни началась полоса неудач. Другие стараются любыми способами изменить свое состояние в лучшую сторону, пытаются преодолеть препятствия.

Самовнушение – довольно сильное оружие, а главное – доступное любому из нас. Стоит лишь приложить необходимое количество усилий, и далекие цели, вчера казавшиеся недостижимыми, сегодня становятся доступными и реальными. Непрерывные потрясения порой застают людей врасплох, вырывают из обыденности. С помощью самовнушения можно обойти эти потрясения, суметь принять их как должное, даже использовать их в своих личных интересах. Успешность человека во многом зависит от его личных усилий. Каждый является полноправным кузнецом собственного счастья и успеха. Но без некоторой доли везения и влияния внешних обстоятельств – благоприятных или не очень – достижение успеха порой становится довольно затруднительным. Каждый из нас, стремясь к идеалу, прежде всего требует усилий от себя на себя как личности. При этом мы забываем, что самосовершенствование начинается с создания благоприятных обстоятельств!

К примеру, трудно стать достойным правителем государства, никаким образом не влияя на своих подданных. Занимаясь реформированием государственных устоев в соответствии со своими представлениями об идеале, неразумно будет не учесть мнение жителей государства. Однако и слепое потакание убеждениям отдельно взятых личностей также не имеет смысла. Мудрый правитель всегда выслушает мнение подданных и поступит так, как считает нужным, руководствуясь при этом наиболее рациональными убеждениями и собственными разумными мотивами. Мудрый камердинер всегда пойдет навстречу слугам в своем подчинении, не позволяя им заходить за рамки допустимого и строго напоминая, если нужно, об их служебных обязанностях.

Каждому человеку свойственны чувства как боязни перемен, так и жажды новшеств. В любом из нас время от времени спорят два голоса: смелый новатор и консервативный ревнитель устоявшихся ценностей. У творческих и идейных личностей новаторы доминируют над консерваторами-ревнителями. У более инертных, приверженных традициям людей верх одерживает консерватор. Но как бы мы ни были привязаны к привычному, повседневному и хорошо знакомому, в нас рано или поздно возникает чувство близости перемен и их неизбежности. Ведь прогресс не остановить! Еще вчера нам казалось немыслимым, что механизмы могут выполнять тяжелый человеческий труд, порой полностью подменяя самого человека. Сегодня это – обыденность. Трудно поверить, но возможно, скоро мы сможем построить такие механизмы, которые помогут человеку подняться в воздух. А спустя несколько столетий люди впервые ступят на поверхность другого небесного тела...

Человеческие эмоции сложны и многогранны. Естественные эмоции – радость, страх, гнев – в течение жизни испытывает каждый из нас. Реже встречаются люди, испытывающие целый букет эмоций сразу. Например, смех сквозь слезы. Это довольно редкое чувство, которое сложно представить. Иногда ты разочарован чем-то настолько, что трудно сдержать слезы, но в этот момент появляется кто-то близкий и начинает утешать тебя, рассказывая то, что вызывает улыбку, или просто по-доброму шутит над тобой. И ты начинаешь смеяться и уже не можешь остановиться, как бы горько тебе не было в этот момент.

Еще одна необычно сильная эмоция – гнев с жалостью. Порой ты бываешь выведен из себя поведением другого человека настолько, что хочется тут же на месте жестоко расправиться с ним. Но внутренний голос велит не делать этого и подсказывает, что, как и все люди, оступившийся заслуживает сострадания. Гнев утихает, и руки сами опускаются, не в силах противостоять этому чувству.

И конечно же, самой необычной и порой недоступной для понимания эмоцией является удовольствие. Люди находят свое удовольствие в разных вещах. Некоторые обретают его в музыке, ведь ее мелодичность расслабляет, а ритмичность помогает почувствовать себя бодрее, особенно утром, когда так тяжело бывает заставить себя приступить к работе. Другие находят удовольствие в поэзии. Мир поэзии дает пищу для размышлений и воображения, и порой удивляет нас эмоциональной окрашенностью, которую поэт вкладывает в созвучие рифм, в сочетание далеких друг от друга по смыслу понятий. Третьи испытывают это чувство во время принятия пищи и стараются всячески потакать своей маленькой слабости, пробуя новые экзотические блюда и редкие вина. А иные умеют получать удовольствие при общении с людьми. И, хотя общение является необходимой потребностью человека, легко заметить, что некоторые из нас испытывают постоянную необходимость контактировать с человеческим обществом. Другие же стараются замкнуться в себе и сосредоточиться на своем внутреннем мире, не делясь переживаниями с окружающими. Некоторые испытывают приятные чувства, обладая деньгами. И, хотя деньги являются всего лишь способом удовлетворения жизненных нужд, эти люди привязываются к ним, порой развивая в себе зависимость от них и нездоровый корыстный интерес.

We only think about something
What can bring us so much pleasure
But money sometimes can do nothing
Cause it is no more than only measure.

Желание обладать деньгами порой подталкивают людей на самые непредвиденные шаги, порождая преступность и унижение. Но хотя без денег нельзя удовлетворить большинство человеческих потребностей, мы и удовольствие с их помощью получать все равно можем, не так ли? Однако не забывайте и об удовольствии, полученном от общения с людьми, от созерцания природной красоты. Все это не приобретается за деньги и доступно каждому, стоит лишь развить в себе способность правильного восприятия.

Вот какие мысли не давали покоя юному Уинфреду Скотту по дороге с рыбалки. Тихий летний вечер не предвещал никаких происшествий, за исключением пары облаков, грозившихся собраться в дождевую тучу. На спине юноши красовался самодельный садок, доверху набитый уловом. Как известно, рыба лучше всего клюет после хорошего ливня, но сегодняшний день явно был исключением. Потирая зудящее от укусов мошкары плечо, Уинфред проходил мимо скотных дворов и наблюдал, как расторопные фермеры загоняют скот в хлева и загоны. «Неплохо бы помочь с этим делом матери», – сообразил наш неторопливый философ и немного прибавил шаг. Проходя мимо дома Дикенсонов, юноша заметил, что ставни плотно закрыты, а из хлева не слышно голоса Бетси и мычания коров. Сойдя с дороги на узкую тропинку, заросшую травой, Уинфред поймал себя на более приятной мысли: «Здорово было бы сейчас наведаться за яблоками!». Мать очень любила сушеные яблоки и часто угощала всю семью и гостей. Некоторое время юноша шел по тропинке, затем свернул в густые заросли бурьяна. Выбравшись из зарослей и отдирая от одежды и волос репей, он направился к старой яблоне. И уже намеревался было забраться на дерево, как вдруг ветки зашевелились и вниз полетели красные спелые яблоки. Вместе с ними упала и сломанная ветка – и еще кое-кто,

тяжелый и страшно недовольный! Юноша очень удивился, узнав голос брата. Мальчишка встал и, потирая ушибленный бок, принялся собирать упавшие яблоки, но вдруг заметил стоявшего, покрытого репейником лохматого Уинфреда.

– Здравствуй, ты откуда?

– А ты что здесь делаешь? Ты ведь должен помогать матери! – возмутился старший брат.

– Я этим и занимаюсь: мама отправила меня сюда нарвать яблок для засушки. Кстати, как твоя рыбалка?

Уинфред с гордостью показал брату садок.

– Ого, сегодня у нас будет жареная рыба! – обрадовался Джорди. Оба принялись собирать оставшиеся яблоки и, когда края задранных рубах переполнились плодами, братья двинулись обратно к зарослям. Колючий бурьян словно заново сомкнулся в том месте, где прошел Уинфред. Джорди постоянно спотыкался, роняя яблоки, и ворчал, что неплохо было бы выкосить сорняки и бросить под яблоню. Уинфред поинтересовался, почему бы ему самому этого не сделать?

– Я должен помогать матери, у меня нет времени на всякую чепуху! – деловито заявил мальчишка. Старший брат рассмеялся и, ухватившись одной рукой за край рубахи, запустил в него яблоком. Джорди ловко увернулся и в ответ бросил в брата сухую ветку. Так они, кидаясь в друг друга и смеясь во весь голос, выбрались из зарослей и ступили на тропинку.

К этому времени два облака собрались в тучку довольно внушительных размеров и грозились пролиться на землю теплым летним дождем. Предгрозовая духота застала врасплох двух братьев, шедших по тропинке и нагруженных яблоками, а также садком, полным рыбы. Запыхавшийся Джорди пересыпал часть своего груза Уинфреду и присел отдохнуть на валявшееся подле дороги сучковатое бревно. Его брат устроился рядом.

– Много ли работы было утром?

– Как всегда. Мать отправила пасти овец, а меня оставила обрабатывать грядки. Скучнейшее занятие! – проворчал Джорди.

– Она была не сильно удручена, не найдя меня утром на месте?

– Нет, хотя ей и не нравится, что ты постоянно пропадаешь на своей рыбалке и редко помогаешь нам. Я хочу, чтобы ты, братец, в следующий раз копался в земле, а меня отпустили погулять. Не только тебе хочется приключений!

Уинфред улыбнулся и взъерошил мальчишке волосы.

– Обещаю, что в следующий раз я останусь помогать матери, а ты отправишься с соседскими ребятами на озеро. Или снова будешь подглядывать за той хорошенькой девушкой, живущей в доме за холмами.

Джорди смутился и покраснел, Уинфред подмигнул ему. Отдохнув и съев пару яблок, братья двинулись домой. Первые капли дождя начали орошать землю, и вскоре по краю дороги побежали маленькие ручьи. Босые ноги Джорди оставляли на ней глубокие мокрые следы. Проходя мимо дворов, путники встретили несколько нерасторопных фермеров, не успевших загнать скот в хлева и загоны. Теперь они недовольно замахивались на животных хворостинами, ругаясь и жуя промокшие сухари из полевых холщовых сумок. Уинфред Скотт угостил яблоком знакомого фермерского сына, помогавшего отцу гнать овец, и получил взамен горсть сухарей и недовольный взгляд Джорди. Злой промокший мальчишка, придерживавший край рубахи, чтобы не высыпались яблоки, выглядел весьма комично, намекая, чтобы брат поторопился. Потянув брата за рукав и собравшись идти дальше, он вдруг так громко чихнул, что часть яблок высыпалась на дорогу! Уинфред собрался было их поднимать, но угодил ногой в глубокую рытвину с водой и поскользнулся, рассыпав все свои яблоки. Джорди засмеялся и помог брату подняться. Садок с рыбой бросили в траву и принялись собирать рассыпанное богатство. Задумчиво глядя на яблоко, плававшее на поверхности рытвины, юноша вдруг заметил, что его рубаха превратилась в сплошные пятна грязи. Джорди взялся нести садок.

Так они, мокрые и грязные, смеясь, спотыкаясь и неистово чихая, добрались до дома. Сквозь маленькую щель в захлопнутых ставнях был виден свет. Уинфред постучался. Внутри послышались шаги и скрип отворяемого засова. Возникшая на пороге Нэн удивленно хмыкнула, увидев двух вымазанных в грязи и промокших до нитки молодых людей, нагруженных яблоками и рыбой. Джорди шагнул внутрь и высыпал свой груз в корзину. Уинфред собрался было пройти в дом, однако Нэн остановила его.

– Для начала вам следует вымыться. У нас сегодня гости.

– Какие гости?

– Дикенсоны.

Братья переглянулись и поплелись обратно во двор. Добравшись до деревянной лохани, стянули с себя грязную одежду и долго обливались холодной дождевой водой. Тучи к этому времени мало-помалу рассеялись, и в просветах между ними показалось бордовое заходящее солнце. Уинфред и Джорди, красные и дрожащие от прохладного ветерка, подошли к крыльцу, где их ждала Нэн со свежими выстиранными рубашками и штанами. Братья оделись, и Уинфред отворил дверь в гостиную. Посередине комнаты стоял стол с мисками дымящейся похлебки, сушеными яблоками и свежим молоком в глиняных кружках. За столом сидели почтенный Квинтин Дикенсон, его жена Бетси и мать. Старый фермер курил трубку и что-то неторопливо рассказывал, жена внимала ему, вздыхая и понуро смотря в нетронутую глиняную кружку со свежим молоком. Мать доедала свою порцию похлебки и внимательно слушала, кивая головой. Братья подошли к столу, поклонились и сели на свои места. Мать подозвала Нэн, что-то шепнула ей на ухо, и та скрылась за дверью.

– Из всего случившегося в последние несколько дней это удручает меня сильнее всего. Я не могу просто так смириться с этой потерей, но и не представляю, что еще мы можем сделать. Ожидание – самое худшее в этой ситуации, но боюсь, что нам ничего не остается, кроме как ждать дальнейших известий, – продолжал свой рассказ Квинтин.

– Возможно, не все настолько трагично, как вы думаете, – задумчиво обронила мать. – Известия часто бывают преувеличены, а слухи порой распространяются так быстро, что теряют свою правдивость и смысл.

– Сомнений быть не может, – возразил фермер. – Мы узнали об этом из первых уст практически сразу после случившегося.

Повисло неловкое молчание. Было слышно, как Нэн гремит грязной посудой на кухне, и мерно тикают старые настенные часы. Джорди откашлялся и неуверенно спросил:

– Дядя Квинтин! Что у вас случилось? Можем ли мы чем-то помочь?

Мать укоризненно погрозила ему пальцем. Бетси всхлинула, вскочила из-за стола и вышла в прихожую. Вскоре оттуда послышались тихие рыдания. Нэн вернулась с кухни и принесла свежего хлеба с молоком. Квинтин горько усмехнулся и затянулся трубкой. Ароматный серый дым заполнял гостиную, заглушая запахи еды.

– Боюсь, что ты ничем не сможешь помочь, сынок, – молвил фермер, взглянув на смущенного мальчишку. – Сегодня утром слуга старого, ныне покойного друга нашей семьи, Бертона Каррингтона, приехал из Хантингдона и сообщил скорбные вести. Несколько дней назад в столице в своем фамильном доме был убит владелец суконной мануфактуры, муж моей дочери – Кортни Каррингтон. Точные подробности убийства нам неизвестны. Дом и имущество покойного нетронуты и, возможно, будут временно переданы в распоряжение ведущих следствие сыщиков. Известно также, что убийство было совершено ночью. Все улики – лишь аккуратно взломанный замок и следы крови хозяина дома. Оружие, которым был убит Кортни, определить не удалось.

Старый фермер вновь затянулся трубкой и раскашлялся. Мать подошла к нему с кружкой воды, но он мотнул головой. Уинфред мельком взглянул на Джорди, тот сидел смирно

и с живым интересом следил за происходящим. Квинтин, откашлявшись, сделал еще пару затяжек и продолжил свой рассказ.

– Но самое ужасное – что мы ничего не знаем о своей дочери! Говоря об убийстве и обыске, Линн – так зовут слугу Каррингтонов – ни разу не упомянул о Меллони. Неизвестно, жива она или нет, здорова ли. Я до последнего старался не думать о худшем и боюсь представить, что с ней сделал бессовестный убийца ее мужа.

Голос старого фермера дрогнул. Он потянулся было за лежащей на столе трубкой, но та выскользнула из рук и упала на пол. Табак рассыпался. Джорди вскочил и, схватив валявшуюся в углу тряпку, принялся убирать с пола. Мать наклонилась над Квинтином с кружкой холодной воды, тот не стал отказываться. Уинфред остался сидеть неподвижно. Вошедшая Нэн замерла в дверях. Мать махнула ей рукой, и та послушно скрылась.

– Конечно, я очень скорблю о смерти молодого предприимчивого Кортни, – глотнув воды, хрипло пробормотал Квинтин. – Но я многое сейчас отдал бы за то, чтобы увидеть сейчас свою дочь. Хотя бы узнать, где она находится и все ли у нее в порядке.

– Думаю, она жива. Ведь, судя по вашему рассказу, кроме тела молодого эсквайра и пятен его крови, в доме больше ничего не нашли, – осторожно предположила мать.

Старый фермер вздохнул, поднял трубку и принялся набивать ее новым табаком. Джорди исчез на кухне. Мать немного подумала и вышла в прихожую, чтобы успокоить Бетси.

В гостиной остались Уинфред и Квинтин. Юноша растерянно смотрел на миску с недоодеенной похлебкой. Фермер курил и время от времени поглядывал на него, думая о своем.

– Я помню тебя еще мальчишкой, Уинфред. Ты всегда был скромным, неразговорчивым и постоянно пропадал из дома, порой на несколько дней.

Юноша смутился и опустил глаза.

– Я не осуждаю тебя, каждый из нас сам выбирает свой путь в жизни, – продолжал Квинтин. – Возможно, из тебя вышел бы неплохой исследователь, путешественник, мореплаватель. Я часто говаривал это своей дочери, после того, как ругал ее за ваши ночные прогулки.

– Как? Вы знали?

– Меллони не умеет скрывать чувства. Именно поэтому ей никогда не сходили с рук детские шалости. Кто знает, все могло быть по-другому, если бы ваши тайные свидания переросли в нечто большее. Но что сделано, то сделано. Жалеть не о чем.

Квинтин встал и, отложив трубку в сторону, подошел к окну. Отворил ставни. Тучи совсем рассеялись, и на темном вечернем небе стали видны звезды.

– Возможно, Меллони жива и сейчас смотрит на звезды, думая о нас с Бетси. И я тоже смотрю на эти же звезды, думая о ней, – прошептал он. Некоторое время фермер стоял, задумчиво глядя на небо. Затем захлопнул ставни и, пожелав Уинфреду доброй ночи, вышел из гостиной. Юноша остался сидеть неподвижно, глядя в свою миску.

Мысли о случившемся хлынули в голову, порождая новые предположения и догадки. В голове еще звучал низкий усталый бас старого Квинтина, перед взором стояли его задумчивые серые глаза.

Из прихожей раздался звук задвигаемого засова, в дверях появились Нэн и Джорди. Нэн принялась убирать со стола. Мальчишка как ни в чем не бывало уселся на стул и стал доедать похлебку. Уинфред смотрел мимо него, продолжая думать о своем. Нэн собрала всю грязную посуду и вышла. Джорди захватил свою пустую миску и умчался на кухню за добавкой. Из прихожей послышался стук в дверь, затем вновь раздался звук задвигаемого засова. В гостиную вошла мать и недовольно посмотрела на Уинфреда.

– Почему ты до сих пор не спишь?

Юноша встал и вышел из комнаты. Добравшись до спальни, он аккуратно закрыл дверь и уселся на свое место, укрывшись легким суконным одеялом. Джорди уже мирно посапывал в углу. Было тихо, лишь изредка доносились шаги Нэн, гасившей светильники. Уинфред

лежал и перебирал в голове рассказ старого фермера. Перед ним возникли отрывочные картины прошлого: ночные прогулки у озера, образ юной девушки, вздрагивающей от порывов ветра... Юноша невольно улыбнулся. «Интересно, какой теперь стала Меллони? Сильно ли она изменилась? Что с ней стало после трагической смерти мужа?» – думал Уинфред, изо всех сил стараясь прогнать мысль о том, что его бывшей подруги уже нет в живых. «Но ведь если Линн в своем рассказе ни разу не упомянул о ней, значит, еще есть надежда? Почтенному Квинтину, конечно, ничего не остается, как сидеть и ждать вестей, ведь сам он уже стар и ничего не может изменить».

Внезапно Уинфред вспомнил, что дорога из столицы занимает много времени и вести могут приходиться с опозданием. Ему стало не по себе. В голову начали закрадываться сомнения. Сколько всего могло случиться, пока слуга Каррингтонов добирался из города? Может, отцу Меллони стоило остаться там и помочь сыщикам в поисках дочери? С другой стороны, тогда мы бы не узнали о происшествии. А возможно, обстоятельства вынудили его покинуть столицу и искать пристанище у старого фермера? Что если убийца, не насытившись кровью хозяина дома, решил преследовать и его ближайшее окружение? Но тогда что он сделал с Меллони? Быть может, Линн, слуга Каррингтонов, скрыл от Квинтина правду, ведь смерть единственной дочери могла стать для старика ударом! Было бы здорово увидеться с ним сейчас и узнать все факты, дав слово никому ничего не рассказывать.

Уинфред ворочался, пытаясь уснуть, но сон не шел. Мысли лезли в голову одна другой ужаснее, заставляя юношу ворочаться с боку на бок. Наконец он сел и протер глаза, прислушиваясь. В доме было тихо. Двигая руками в темноте, Уинфред нашел свою одежду, встал и на цыпочках двинулся к выходу из спальни. Неожиданно скрипнула половица.

Юноша замер. Джорди в углу вздохнул и повернулся на другой бок. Уинфред дождался, пока брат снова тихо засопел, и вышел из комнаты. На кухне он нашарил в темноте корзину с хлебом, захватил пару краях, несколько яблок. Тихо одевшись в прихожей, положил еду в холщовую сумку и взял из угла свои башмаки.

В гостиной никого не было. Вся посуда и скатерть были убраны, на стене мерно тикали часы. Уинфред подошел к окну, отворил ставни и выпрыгнул наружу. Приземлившись в мягкую траву, он встал, немного потянулся и аккуратно прикрыл ставни, затем огляделся и направился к калитке.

Звезды ярко сияли на безоблачном небе. Ветра почти не было, из травы слышалось стрекотание насекомых, а из чащи временами доносилось глухое уханье филина. Уинфред шел по дороге, обходя лужи и рытвины со свежей дождевой водой. Башмаки хлюпали по мокрой земле, оставляя на ней глубокие следы.

Дорога резко повернула влево, и вскоре вдали показался темный силуэт дома фермера Квинтина. Юноша без труда нашел в темноте калитку и лихо перепрыгнул через нее.

Подойдя к двери, негромко постучал и стал ждать. Послышались шаги, и на пороге появилась недовольная заспанная Тери.

– Уинфред? Что тебе нужно?

– Я хочу поговорить с почтенным Квинтином, это очень важно.

– Тебе повезло, что он еще не спит! Постарайся не задерживать его.

Служанка пропустила юношу внутрь и закрыла дверь. Дом Дикенсонов сильно отличался от остальных, как и любое жилище зажиточных фермеров. Он стоял особняком, вдали от пастбища.

Во дворе росли яблони и проходила аккуратная уложенная камнем тропинка. Широкий загон для овец и хлев занимали всю заднюю часть двора. В самом доме была настоящая гостиная с широким столом для гостей, накрывавшимся довольно часто, поскольку гостей Дикенсоны принимали почти каждую неделю. У окна стояла ваза с цветами, Уинфред узнал пионы, что росли во дворе у изгороди.

С кухни доносился вкусный запах жареного мяса и яблочного компота.

Старый Квинтин сидел в своем кабинете за столом и что-то писал при свете свечи. Он взглянул на вошедших, и его брови поползли вверх от удивления. Служанка молча поклонилась и вышла.

Уинфред остановился у двери, не решаясь что-либо сказать. Фермер отложил в сторону бумагу и перо.

– Что привело тебя к нам в столь позднее время? Все мои домочадцы уже спят, лишь меня, как и прежде, мучает бессонница...

– Хочу поговорить с вами по поводу случившегося.

– Присаживайся.

Квинтин указал Уинфреду на старое, немного потертое, но удобное кресло.

– Вечером я рассказал тебе все, что мне было известно. Уж не хочешь ли ты сказать, что знаешь больше? – поинтересовался фермер.

– Нет, о случившемся я знаю только с ваших слов. Но, быть может, слуга покойного Кортни знает больше, но не всё успел поведать?

– Линн пару дней назад уехал в Хантингдон, сославшись на необходимость присутствия на похоронах хозяина. Надеюсь, он успеет добраться до столицы. Он рассказал все, что ему было известно. У него не было причин скрывать что-либо от меня!

– Но ведь вы ничего не знаете о вашей дочери!?

– Я уже говорил тебе – многое отдал был за уверенность в том, что с ней все в порядке. Если ты что-то знаешь о ней – расскажи. Хотя я сомневаюсь, что ты можешь что-либо знать.

– Мне известно не больше, чем вам. Но мы могли бы подробнее расспросить Линна, возможно, он не успел рассказать все подробности.

– Уже поздно. Если ты ничего больше не можешь предложить – возвращайся домой и ложись спать. Мать, небось, уже обнаружила, что тебя нет, и волнуется.

Уинфред вздохнул и задумался. Он до конца сомневался в правильности своего решения. Но отступать было поздно.

– Я отправлюсь в столицу и выясню, что произошло с Меллони, – твердо произнес он. Старый Квинтин усмехнулся.

– Ты храбрый парень, но твой героизм не принесет пользы. Ты нужен здесь, чтобы помогать своей семье. Ведь ты теперь единственный мужчина в доме, твой братишка еще не готов взять на себя такую ответственность. Я попытаюсь как-нибудь справиться со своим горем.

– Почтенный Квинтин! Я уже принял решение о том, что помогу вам найти дочь, чего бы мне это не стоило. Просто не могу спокойно сидеть здесь, пока кому-то позволено безнаказанно творить насилие!

– Никак не возьму в толк, почему ты так хочешь помочь моей дочери? Ведь много лет назад она отказала тебе.

– Я сделаю это не только ради нее, но и ради вас. Я не могу просто так сидеть и смотреть на ваши страдания!

Квинтин перестал улыбаться и задумался.

– Мне нравится такая отзывчивость. Жаль, что Меллони не сумела разглядеть в тебе это и другие твои замечательные качества. Но думаю, даже если опытные сыщики не справились с этим делом, тебе это будет намного сложнее.

– Я что-нибудь придумаю.

– Подумай о матери! Ей будет непросто смириться с тем, что ты отправился в такую даль один. И твои замыслы могут быть связаны с какими угодно опасностями, в том числе и для жизни. Стоит ли приносить такую жертву?

– Все же лучше, чем сидеть сложа руки. Мой брат Джорди уже достаточно взрослый, чтобы помогать матери, пока меня не будет!

– Дело твое, но еще не поздно отступить. Подумай, сколько людей будет волноваться за тебя!

– Нет, все решено. Завтра я отправляюсь в столицу. Надо запастись съестным и теплой одеждой. А еще я не знаю дороги...

– Ближайшая железная дорога, ведущая в столицу, находится в Хантингдоне. Поезд ходит раз в неделю, но Линн так спешил, что ускакал уже сегодня. Возможно, он будет добираться до столицы своими силами.

– Завтра я отправлюсь в Хантингдон и буду ждать следующего поезда.

– Подумай хорошенько, такие решения нельзя принимать спонтанно. Ведь ты первый раз уезжаешь так далеко!

– Отправляюсь завтра утром. Сколько примерно придется идти до города?

– Целый день. По прибытии заглянешь к моему старому знакомому и остановишься у него. Я попрошу у него приюта для тебя на пару дней.

Господи! Что я говорю? – вдруг опомнился Квинтин. – Я отправляю молодого мальчишку одного в столицу, где было совершено страшное преступление! Возможно, таким образом я подвергаю его и его семью опасности! Совсем спятил, старая дырявая голова!

– Ведь я мог бы отправиться и втайне, никому ничего не рассказывая, но из этого ничего не вышло бы. За свое решение я отвечаю сам, вам не в чем себя винить.

Старый фермер смотрел на юношу, и в его глазах вперемешку с изумлением вспыхнул огонек надежды.

– Поезжай, но будь осторожен. В столице жизнь сильно отличается от нашей. Тебе придется привыкнуть к новым порядкам... впрочем, тебе пойдет это на пользу. В твоём возрасте я сам рвался путешествовать, посмотреть мир. Быть может, тебе повезет, и ты узнаешь что-нибудь о Меллони. Но как только ты поймешь, что ничего уже нельзя сделать – возвращайся. Ты должен дать слово.

– Даю слово.

Квинтин кивнул и, потянувшись за листом бумаги и пером, принялся что-то писать. Свеча догорала, время от времени испуская короткие струйки дыма. Юноша смотрел на нее и грустил, что не успел попрощаться с семьей, ведь путь предстоит неблизкий и неизвестно, когда суждено будет вернуться. Внезапно ему захотелось бросить все, отправиться домой, свернуться калачиком и не просыпаться до полудня. Он поспешно прогнал эту мысль.

Старый фермер открыл ящик стола, достал оттуда несколько маленьких разноцветных бумажек и положил их в конверт. Затем он закончил письмо и тоже вложил его в конверт, передав Уинфреду.

– Здесь – письмо сапожнику Райлу, моему старому знакомому, который приютит тебя в Хантингдоне, и несколько фунтов стерлингов – они пригодятся тебе в дороге. По прибытии отдашь ему письмо и вот эти два фунта, остальное оставишь себе. Сейчас ложись спать, а утром я объясню, как добраться до Хантингдона. Я велю Тери налить тебе чай и постелить постель.

Юноша поклонился, взял письмо и вышел из кабинета. Из гостиной появилась Тери и провела его в спальню, где стояла настоящая деревянная кровать, застеленная грубой суконной простыней и легким одеялом. Уинфред дождался, пока горничная выйдет, и разделся, аккуратно повесив одежду на край кровати. Вскоре вновь появилась Тери и принесла глиняную кружку ароматного чая, и миску с куском свежего яблочного пирога.

– Господин Квинтин желает тебе доброй ночи и велит хорошо выспаться сегодня, – сказала она.

Уинфред поблагодарил и принялся за угощение. Когда с пирогом было покончено, он довольно улыбнулся и лег в постель, думая о предстоящем путешествии. «Надеюсь, мать с братом не сильно расстроятся, если меня пару недель не будет дома. Я приеду в столицу и, как только узнаю, где Меллони, заберу ее и мы сразу же вернемся домой, а Квинтин что-нибудь придумает, чтобы прикрыть меня в мое отсутствие», – строил планы юноша. Он редко лгал матери, но уехать из дома, рассказав все как есть, было невозможно. Несмотря на свою самостоятельность, юноша был очень привязан к семье и редко покидал пределы родной деревни, уходя не дальше чем за церковь, расположенную на холме за пастбищем. Вскоре он уснул, укрывшись легким суконным одеялом.

Разбудил его луч солнца, пробившийся сквозь узкую щель в слегка приоткрытой ставне. Уинфред встал, протер глаза и потянулся за одеждой. Выйдя из спальни, он первым делом отправился во двор, где тщательно привел себя в порядок, умывшись водой из колодца. Подметавшая крыльцо Тери придирчиво взглянула на него и, велев подождать снаружи, скрылась в доме. Вскоре она вернулась, неся с собой свежую чистую рубаху и штаны. Уинфреду одежда была слегка великовата, но в сравнении с исцарапанной, вымокшей под дождем отцовской рубахой выглядела почти идеально.

Гостиная была залита солнечным светом из открытых настежь ставней. Посередине за широким столом сидел Квинтин, курил трубку и допивал чай. Увидев Уинфреда, он приветливо махнул ему рукой, приглашая сесть.

– Сегодня утром я сообщил жене о нашем вчерашнем разговоре. Она сперва подумала, что я шучу и сказала, что у меня странное чувство юмора. Убедив ее, что это не шутки, я выслушал очень много нелестного в наш с тобой адрес. Теперь я и сам думаю, может, я действительно спятил, отправляя тебя одного в такую даль неизвестно зачем?

– Посмотрим, что она скажет, когда я вернусь сюда вместе с Меллони!

Старый фермер усмехнулся.

– Ты уверен в своих силах, мне это нравится. Надеюсь, у тебя получится выполнить задуманное. Кстати, у тебя есть план действий?

– Я что-нибудь придумаю, когда окажусь на месте.

Тери вернулась с кухни и принесла Уинфреду завтрак. Юноша поблагодарил и принялся за еду.

– Путь до Хантингдона довольно близкий, ты вполне успеешь добраться туда к вечеру. Дорога начинается за холмом, на котором стоит церковь. Местами тропа теряется в густых зарослях кустарника. Следуешь все время прямо, пока не доберешься до развилки с дорогой, проложенной фермерами из соседних деревень. Ты без труда узнаешь ее: по ней каждый день кто-то проезжает и всегда видны свежие следы копыт лошадей и колес повозок. По ней ты доберешься до города. Мастерская Райла находится на окраине. Спросишь – подскажут, – пояснил Квинтин.

– Отец рассказывал, что дорога проходит через чащу и теряется в ней, – возразил юноша. – Есть и другой путь, но он лежит через Питерборо, то есть далеко в обход.

– Эдвин сам был в Хантингдоне всего пару раз, а историю эту придумали ленивые глупцы, не ценящие времени. Отправишься короткой дорогой. Не хватало тебе еще ночевать под открытым небом, хотя я уверен, что для тебя это дело привычное.

– Хорошо, но не найдется ли у вас лишней обуви? Боюсь, что мои изношенные башмаки не годятся для такой дороги, и к вечеру я сильно натру ноги.

– Тебе не придется идти пешком, я дам свою лошадь. Как приедешь – оставишь ее у Райла в Хантингдоне, ведь тебе еще придется возвращаться обратно.

У юноши загорелись глаза. При жизни отца он пару раз катался на лошадях знакомых фермеров. Детские впечатления от катания верхом остались незабываемыми: юноша помнил,

как его, семилетнего мальчишку, посадили на красивое сильное животное, которое послушно повезло седока по пастбищу, мерно цокая копытами.

– Я все еще здесь, Уинфред. – улыбнулся Квинтин.

Юноша тряхнул головой и смущенно зарделся.

– Какой же ты еще все-таки мальчишка! – добродушно воскликнул старый фермер. – Ладно, иди собирайся.

Уинфред взял свою сумку и положил туда сменную одежду и письмо. Пришла Тери и принесла ему новые чистые башмаки. Юноша обулся и вышел во двор. Квинтин ждал его, держа под уздцы добротную кобылу. Сбоку от седла висела походная сумка, в которую горничная положила съестные припасы. Фермер помог Уинфреду забраться в седло и протянул ему холщовую сумку.

– Так, на лошади ты сидеть вроде умеешь. Уже неплохо для начала! Главное – сильно не лупи шпорами, иначе придется прокатиться с ветерком.

Уинфред вдел ноги в шпоры и взял в руки поводья, повесил на плечо сумку.

– Легкой тебе дороги! Возвращайся поскорее с любимыми вестями, которые узнаешь! Старайся поменьше беседовать с сыщиками и не вступать в их грязные игры. Держись подальше от подозрительных незнакомцев и жуликоватых уличных побирушек, воришек и шарлатанов, коих в больших городах развелось великое множество. И не забудь про письмо! Мы с Бетси будем с нетерпением ждать твоего возвращения!

Квинтин легонько хлопнул по крупу лошади, та послушно повернулась и, издав короткое ржание, двинулась вперед. Уинфред качнулся в седле, вспоминая непривычное чувство, испытанное в детстве. Проехав несколько ярдов, он оглянулся. Старый фермер стоял на краю дороги и смотрел ему вслед, напомним юноше собственного отца, такого, каким он действительно должен был быть: мудрым, отзывчивым и каждый раз с нетерпением ждущим возвращения своего сына домой. Фермер помахал ему рукой, и вскоре его уже не было видно.

Дорога пролежала вдоль пастбища. Ярко светило солнце. Разморенные потные фермеры неторопливо выводили скот на выпас. Отовсюду слышалось мычание коров и блеяние овец, лай собак и недовольное покрякивание людей. Многие недоуменно оглядывались на юношу, ехавшего верхом. Уинфред с детства привык к этому. Будучи мальчишкой, он выходил на улицу в забавной соломенной шляпе и старой отцовской рубаше, гордо неся за спиной рыболовные снасти. Соседская шпана со смехом и улюлюканьем тыкала в него пальцами.

Не обращая внимания на крики и обидные шуточки, мальчишка проходил мимо. Миновав последний двор, где жила семья фермера со странным именем Габриэль, он находил теряющуюся в траве тропинку, ведущую к озеру. На берегу лесного озера юный Уинфред часто встречал старого рыбака Эвелина, годившегося ему в деды. Рыбак был самым добродушным и беспечным человеком, которого юноша когда-либо знал. Он помнил уйму интересных историй, мог часами без стеснения рассказывать о понуканиях своей жены, недовольной бесконечными отлучками чудаковатого мужа, и шутливо бранил Уинфреда, когда у того клевало лучше. Осенью, когда на водной глади озера появлялась тонкая ледяная корка, Эвелин долго и задумчиво сидел на берегу, прежде чем закинуть снасти. А дождавшись, когда корку льда станет трудно разбивать деревянным колышком, он прощался с юношей до весны и возвращался на берег лишь с весенним паводком, когда озеро полностью принимало впадающие в него тоненькие ручейки тающего снега.

Как-то раз Эвелин с Уинфредом смастерили самодельный плот из бревен и отправились на нем на середину озера. Рыбалка удалась на славу, но вечером легкий приятный бриз, дувший с берега, сменился холодным сильным ветром, гнавшим волны и раскачивавшем плот из стороны в сторону. Старый рыбак с трудом сумел направить суденышко к берегу, по пути

удачно миновав омут. Юноша надолго запомнил мрачную черную воронку, жадно засасывающую в себя маленькие ветки и листья, сорванные ветром с деревьев.

Позже, уже в безопасности шалаша, греясь у костра и лакомясь жареной рыбой, юноша слушал истории старого рыбака.

– Как думаешь, почему прекрасная солнечная погода вдруг так скоро сменилась сильными порывами ветра и штормом? – задумчиво спросил Эвелин.

Уинфред пожал плечами.

– Отец рассказывал, что в небе каким-то особым образом перемещаются облака, порождая сильный ветер, дождь и заморозки, – ответил он.

– Твой отец так же наивен, как и большинство людей. На самом деле все гораздо сложнее. Люди за столько лет так и не научились ценить щедрость природы. Они пользуются ее богатствами расточительно, думая лишь о своем благополучии. Машины и механизмы кажутся нам чем-то невероятным. На эти детища прогресса человек возлагает большие надежды, но именно они и наносят огромный вред природе! Мать-природа терпелива, однако каждый раз, когда мы выходим за рамки дозволенного, она гневается на нас.

Стихийные бедствия, неурожай, непогода – все это наказания человеку за его безрассудство. И чем больше мы вредим природе, тем сильнее будем чувствовать ее гнев.

Это был один из тех редких моментов, когда Эвелин из жизнерадостного беззаботного мужчины превращался в задумчивого потрепанного жизнью старца. Уинфред чувствовал это и разделял его переживания. «Что если он прав, и нам стоит относиться к природе более бережно? Ведь сейчас мы используем каждый клочок земли в своих целях, выращивая на ней зерно, из которого потом выпекаем хлеб. Мы стрижем овец, делая из их шерсти сукно, из которого потом получается теплая одежда, но при этом не задумываемся, каждая ли овца хочет быть остриженной?» Уинфред представил, как с его головы состригли все волосы и украсили ими одежду. Ему стало не по себе, он невольно придвинулся ближе к костру.

Проницательный Эвелин смотрел на него, чувствуя, что мальчишка разделяет эти мысли. Он улыбнулся и подмигнул Уинфреду. Мальчик вспомнил, как в детстве мать рассказывала ему на ночь сказки о друидах – скромных и таинственных защитниках природы. Друиды чувствовали природу, были ее частью и всегда старались жить в гармонии с ней, недоверчиво относившись к людям. Несколько раз в год они собирались вместе и совершали какие-то обряды и ритуальные гадания. Боль, наносимая природе человеком, разделяли и друиды. Недоверие людей к ним росло, и, в конце концов, род друидов перестал существовать. Хотя кто знает, какая судьба на самом деле постигла их? Возможно, часть из них растворилась среди людей, либо забралась в такую глушь, куда не ступала еще человеческая нога. Было в старом Эвелине нечто, напоминавшее Уинфреду друидов. Он всегда был кротким и беззаботным, но когда речь заходила о вреде, причиненном природе людьми, чувствовал порывы гнева и досаду за людское безрассудство.

– Вы, наверное, один из последних друидов, живущих на Земле! – с восхищением глядя на старика, бормотал мальчик. Но тот лишь усмехался в бороду.

Однажды, по окончании очередного весеннего паводка, Уинфред проснулся ранним утром, взял рыболовные снасти и отправился на озеро. Там все было, как и прежде, лишь тоненькие ручейки весело бежали между деревьями, соединяясь в маленькую речку. Мальчишка с удивлением заметил, что место, на котором обычно сидел Эвелин, пустовало. Это немного озадачило его, ведь старик обещал прийти, как только растают последние снега. Сегодня был тот самый день. Уинфред забросил снасти, но клев не шел. Поймав двух среднего размера рыб, он развел костер, выпотрошил и пожарил их на прутике, запив все чистой ключевой водой. Небо затягивалось унылыми серыми тучами, предвещавшими дождь. Мальчик доел рыбу, взял снасти и отправился домой, решив по дороге заглянуть к старому рыбаку. Подходя к его дому, он заметил во дворе фигуры в плащах, окружившие человека в черной

как ночь рясе, ходящего по кругу и произносившего какие-то слова. Уинфред ускорил шаг, подозревая, что случилось что-то непоправимое. «Неужели старый Эвелин захворал, и фермеры решили навестить его, а священника позвали, чтобы изгнать скверну?» Подойдя ближе ко двору, он, к своему ужасу, увидел, что ряса священника касается неподвижно лежащего на земле фигуры – тела Эвелина. Руки его были сложены на груди, по обычаю. Священник окончил молитву, и люди начали подходить к телу рыбака и класть ему в ноги цветы. Уинфред пробился сквозь толпу и попытался броситься к старику, но один из фермеров крепко схватил его за руку и притянул к себе, пытаясь успокоить. Глаза мальчика наполнились слезами. Он перестал сопротивляться, и фермер выпустил его. Двое крепких молодых парней взяли тело и положили в деревянный гроб, затем вся процессия двинулась в сторону церкви.

Уинфред остался стоять на месте, с тоской глядя вслед уходящим. «Дядя Эвелин, как же так? Ведь мы обещали друг другу встретиться на озере, как только закончится половодье!» – почти беззвучно шептал он. Печаль на его лице сменилась обидой и изумлением. Он столько не успел поделиться со старым рыбаком. Каждый вечер зимой он мечтал о том, что скоро наступит лето. Можно будет, забыв обо всем, отправиться на озеро и поделиться своими мыслями с Эвелином, справившись о его здоровье и делах.

Внезапно он почувствовал в своей руке чью-то мягкую теплую ладонь. Обернулся и увидел стоящую рядом девочку.

– Я тоже скорблю о дядюшке Эвелине! Когда отец брал меня с собой на пастбище, я часто убегала от него и приходила к дядюшке. Он угощал меня вкусной сушеной рыбой и рассказывал забавные истории о природе и людях. Как-то раз я видела его, возвращающегося с рыбалки, и тебя рядом с ним. Мне стало любопытно, и все время хотелось пойти с вами, но отец бы не отпустил меня! Представляю, сколько разных историй рыбак поведал тебе, пока вы ловили окуней! – сказала она.

Уинфред посмотрел на нее с некоторым изумлением, затем на ее ладонь в своей руке.

– Я Уинфред, – представился он.

– Меллони.

– Скажи, почему он ушел так рано? – спросил мальчик.

– Потому что у каждого из нас своя судьба. Отец говорил, что невозможно идти против судьбы. Старый Эвелин почувствовал, что пора уходить, вот и покинул нас. Я надеюсь, Господь возьмет к себе этого доброго человека, и он будет приглядывать за нами с небес. Уинфред кивнул и собирался попрощаться, но Меллони остановила его.

– Подожди, ты разве не хочешь пойти с нами в церковь и отдать последние почести Эвелину?

Мальчик кивнул, соглашаясь. Меллони взяла его за руку, и они отправились догонять процессию.

...Уинфред тряхнул головой, стараясь отогнать воспоминания и возвращаясь в сегодняшний день. Последний фермерский дом остался позади, и дорога начала круто уходить в сторону холма. Лошадь мерно цокала копытами, в лицо дул легкий приятный ветерок, помогавший легче переносить жару. Мелкая поросль по краям дороги сменилась редким кустарником. Внезапно кусты зашевелились, и на дорогу выскочил Джорди, весь покрытый листьями и репейником. Лошадь заржала и встала на дыбы. Уинфред от изумления чуть не выпустил поводья.

– Что ты здесь делаешь? Почему ты оказался так далеко от дома?

– Ты, как всегда, надеялся, что все самое интересное достанется тебе? Наивный! – рассмеялся мальчишка.

– Джорди, я не шучу. Живо отправляйся обратно, и никому ни слова обо мне!

Джорди скорчил надменную мину.

– Это будет непросто. Вам ничего не остается, сэр, кроме как взять меня с собой в столицу, при условии, что я буду хранить молчание! – сварливо заявил он.

– И не дождешься! Ты не понимаешь, насколько все серьезно. Это не простая увеселительная прогулка в столицу и обратно. Я отправляюсь туда с серьезной задачей – найти Меллони. Ты понятия не имеешь, во что ввязываешься!

– Не нужно объяснять. Я слышал ваш разговор с Квинтином. Кстати, ты так и не научился выходить из дома бесшумно, минуя скрипящие половицы, – усмехнулся мальчишка.

Уинфред поморщился. До сих пор ему удавалось улизнуть из дома, не привлекая внимания.

– Если ты все слышал, то знаешь, сколько неприятностей может встретиться нам в пути. Лучше бы тебе вернуться и оставить меня наедине с моим решением и моими трудностями.

– Братья так не поступают. Разве ты считаешь это правильным? Оставаться дома и лгать, что ничего не знаю о тебе, пока ты отправляешься неизвестно куда, неизвестно зачем?

– Я точно знаю, куда отправляюсь и зачем. А твоя помощь будет бесценна, если ты останешься дома. Подумай о матери!

– Тебе легко думать о матери сейчас, когда ее нет рядом и она не знает, где ты. Мог бы хоть предупредить нас! Но раз уж ты этого не сделал, то я отправляюсь с тобой.

Считай, что я лично отвечаю за твою безопасность перед ней, – с серьезным видом заявил Джорди. Уинфред задумался. Безусловно, ему будет непросто одному. Но рисковать братом и здоровьем матери он никак не собирался. Стремление Джорди присутствовать всегда рядом было неуместно.

– Я не могу взять такую ответственность на себя, – возразил он. – Возвращайся домой и, пожалуйста, ни слова о нашем разговоре с Квинтином!

– Разве ты не обещал мне, что в следующий раз останешься дома, а мне позволишь весь день делать то, что мне хочется? А сейчас ты нарушаешь обещание! Настоящий мужчина должен отвечать за свои слова!

Уинфред удивился. Сейчас перед ним стоял вовсе не беззаботный мальчишка, точная копия его самого в детстве, а серьезный, уверенный в себе молодой человек, готовый рисковать всем, что у него есть, ради брата.

– Я отправляюсь с тобой! – подытожил братец. – У тебя не получится меня переубедить. Уинфред вздохнул и спрыгнул с лошади.

– Ладно, можешь проводить меня до Хантингдона. Но затем берешь мою лошадь и немедленно возвращаешься сюда! И постарайся успеть до вечера.

– Я провожу тебя до столицы, прослежу, чтобы с тобой там ничего не случилось, и верну матери в целостности и сохранности, – настаивал Джорди.

– Подумай хорошенько, ты хоть раз бывал так далеко от дома?

– А ты?

Уинфред нахмурился.

– За свое детство я исследовал все окраины деревни, много раз бывал на озере, а однажды забрел так далеко в чащу, что домой возвращался в кромешной темноте под глухое уханье филина. У меня есть опыт преодоления разных неприятностей, в отличие от тебя. Ведь ты даже не сумел в прошлый раз уговорить мать отпустить тебя на озеро со мной!

А я хожу туда самостоятельно, без чьего-либо позволения, – пытался отговорить он брата. – Поэтому ты очень поможешь мне, оставшись дома.

– Если бы отец был жив, ты не посмел бы так говорить. Он пришел бы в ярость, узнав, куда ты отправляешься.

– О нет! В настоящую ярость он пришел бы, узнав, что ты отправился со мной!!

Джорди опустил голову. Было видно, что ему не хочется спорить с братом, и он хорошо осознавал его правоту. Но и отказываться от задуманного не собирался. В голове

Уинфреда смешались противоречивые мысли. С одной стороны, матери будет трудно пережить долгую разлуку с сыновьями, несмотря на обещание Квинтина помочь и поддержать. С другой – ему было немного тревожно при мысли о том, что в столице он будет предоставлен лишь самому себе.

– Ладно, – решил юноша, – отправишься со мной. Но пообещай, что будешь слушаться. После всего произошедшего не хватало нам потерять еще и тебя. Ух, и нагорит же мне от матери по возвращении!

Глаза мальчика просияли.

– Ты будешь отдуваться не один. С этого момента идея о путешествии становится наполовину моей! – гордо заявил он.

Уинфред улыбнулся и помог брату забраться на лошадь, затем сам запрыгнул в седло и легонько пристукнул шпорами. Кобыла послушно двинулась вперед.

– А ты дашь мне поуправлять лошадей? – спросил Джорди.

– А ты умеешь?

– Будто ты умеешь, – усмехнулся мальчишка.

Уинфреду и правда было непривычно управлять сильным здоровым животным, но воспитание на ферме с юных лет давало о себе знать.

– Дам поводья чуть позже. Только не стучи шпорами слишком сильно, иначе тебе придется прокатиться с ветерком, – повторил он вспомнившиеся кстати слова старого фермера.

Джорди что-то согласно буркнул и крепче ухватился руками за седло. Кустарник по краям дороги поредел и сменился пастбищем, заросшим густой травой.

Еще недавно, когда местная земля обильно плодоносила, фермеры выращивали здесь хлеб. Но после пары лет крупных неурожаев аккуратно вспаханное ухоженное поле было утоптанно выводимым на выпас скотом. За год на этой земле не осталось и следа от прежнего плодородия и, когда весной начала пробиваться сорная трава, непригодная даже для животных, фермеры переместились на пастбище, находившееся на краю деревни, в том месте, куда по обыкновению относили мусор. Отвергнутая земля оказалась на удивление плодородной, и вскоре люди чуть не передрались за каждый клочок нового пастбища.

Дорога вновь резко повернула влево, и за поворотом показался холм, на котором величественно возвышалась каменная церковь.

– Правда ли, что в этой церкви когда-то был крещен сам великий Сарацин Паломид? – спросил Джорди.

– Легенды гласят, что сэр Паломид и вовсе не был крещен.

– Разве он не сделал этого по велению своей возлюбленной Изольды?

– Которая в итоге вышла замуж за Тристана? И вообще, в этой стране сохранилось множество красивых древних церквей. С чего бы великому рыцарю Паломиду было заглядывать в наше отдаленное захолустье?

– Трудно представить себе, что когда-то давно было дозволено стать рыцарем, будучи некрещеным.

– Это один из случаев, когда героизм и самоотверженность человека не зависят от его вероисповедания, предопределяя его судьбу.

– Я заметил в тебе кое-что интересное, – хитрым голосом заявил Джорди.

– Что же?

– Последнее время ты пытаешься быть во всем похожим на отца, даже разговариваешь почти как он.

– Я скучаю по отцу. Пусть он и был строг со мной, но лишь одно его присутствие внушало уверенность и благополучие. Сейчас я чувствую, что все больше и больше становлюсь предоставленным самому себе.

– Но у тебя есть я, братец! – весело сказал мальчишка.

– Это точно, – улыбнулся юноша и легонько щелкнул его в нос.

Путники поравнялись с холмом, поросшим густой темно-зеленой травой. Наверх вела уложенная булыжником тропинка со ступеньками. Солнце давно перевалило за полуденную черту, но время вечернего богослужения еще не наступило.

За холмом дорога резко сузилась. Местами на ней была видна свежая поросль травы. Вдали показались кроны деревьев. Братья заехали в редкий лес, который по пути становился все гуще. Солнце припекало уже не так сильно, что было весьма кстати после изнуряющего полуденного зноя.

Лошадь вышла на лужайку, заржала и остановилась. Через несколько ярдов дорога превращалась в заросшую тропинку и скрывалась в густых зарослях. Уинфред решил, что наступило время для привала. Он спрыгнул с лошади и заглянул в дорожную сумку. Джорди отправился в заросли за хворостом. И вскоре вернулся, неся охапку веток. Уинфред развел костер и, когда языки пламени начали жадно лизать сухой хворост, бросил в него увесистый кусок полена.

– Дорога дальше сильно сузилась и почти полностью заросла травой и кустарником. Ты уверен, что мы не заблудились? – озабоченно спросил Джорди.

– Квинтин велел ехать прямо до первого поворота. Он предупреждал, что дорога местами будет и вовсе пропадать. Мы отправились этим путем, чтобы сэкономить время, – ответил Уинфред.

– Придется заставить бедную лошадку продираться сквозь эти дебри.

– Пойдем пешком, чтобы ей было легче. Так мы точно не собьемся с пути.

Братья доели поджаренный на костре хлеб и потушили огонь. Уинфред взял лошадь под уздцы и повел в сторону зарослей, но та уперлась и недовольно заржала. Тогда он ласково погладил ее по холке, и лошадь покорно поплелась за ним. Ветви деревьев свисали почти до самой земли. Джорди убежал вперед – посмотреть, куда ведет тропинка. Вскоре он вернулся озадаченный.

– Дальше пути нет. Лишь сплошные заросли колючего кустарника.

Уинфред привязал лошадь к дереву и решил взглянуть сам. Спустя несколько шагов тропинка упиралась в настоящие дебри.

– Смотри за лошастью! – крикнул он брату. – Я сейчас вернусь.

Он начал пробираться сквозь заросли. Ветки больно хлестали по лицу и норовили кольнуть в глаз. Кустарник становился все гуще и гуще, как вдруг заросли словно расступились, и юноша оказался на поляне, поросшей низкой зеленой травкой. Тропинка здесь уходила куда-то в сторону зарослей, из которых только что выбрался Уинфред. Другой ее конец вел в сторону, где кончались переплетающиеся деревья и был виден солнечный свет. Юноша отправился вдоль дебрей и наткнулся на узкий проход в них. Ветки здесь были обломаны и валялись на земле.

Следуя по этому проходу, он вернулся в лес и, пройдя немного влево, наткнулся на брата.

– Я нашел проход в кустарнике. Достаточный, чтобы можно было провести лошадь.

Джорди отвязал кобылу и отправился за Уинфредом. Миновав проход, они некоторое время шли по широкой лесной поляне. Вскоре поляна закончилась и братья оказались на широком, залитом солнечным светом лугу. Тропинка извивалась и петляла между порослями чертополоха. Уинфред взглянул на свою рубашку: она была местами порвана ветками колючего кустарника.

Посреди луга тропинка закончилась, и братья оказались на широком тракте, утоптанном людьми и копытами лошадей.

– Вот та самая дорога, о которой говорил Квинтин, – пояснил Уинфред. – Теперь нам нужно идти прямо. Надеюсь, мы успеем в город к вечеру.

К концу дня путники очутились на узкой улочке Хантингдона, по краям которой ютились обнесенные деревянными оградами дворики. Редкие прохожие шарахались в сторону, подозрительно косясь на двух молодых людей, проезжающих верхом. Уинфред поймал за рукав пробегающую девушку и спросил, как добраться до ремесленных дворов. Та молча показала рукой куда-то в сторону и побежала дальше. Деревянные домики сменились добротными каменными домами, и вскоре путники оказались на маленькой вымощенной камнем площади, посреди которой стояла величественная каменная церковь. У ворот церкви сидел нищий. Уинфред бросил ему пенни.

– Да благословит вас Господь! – пробормотал нищий.

– Знаете ли вы, как добраться до мастерской сапожника Райла?

– Старый Райл живет на южном краю ремесленных дворов. Только сапоги лучше заказывайте у Криспина, так как тот и вправду знает толк в своем ремесле.

Уинфред поблагодарил и развернул лошадь в сторону узкого переулка, ведущего к ремесленным дворам. Добравшись до дома с нужной вывеской, братья спешили. Юноша взялся за железное кольцо и трижды громко постучал в дверь. Послышались шаги. Дверь отворилась, и на пороге появился невысокий рыжебородый мужчина.

– Кто такие? – спросил он, недовольно покосившись на лошадь.

– Мы прибыли к вам от господина Квинтина, – Уинфред протянул мастеру письмо. Тот вскрыл конверт, достал кусок бумаги, испещренный тонкими буквами, бегло ознакомился с содержанием письма, затем достал деньги и машинально сунул их себе в карман.

– Стало быть, ты Уинфред Скотт? А это кто с тобой? – спросил он.

– Мой младший брат. Он вызвался сопровождать меня, хотя я и пытался его отговорить.

– В письме сказано только про тебя. Старый Квинтин, видимо, совсем рехнулся, отправив двух юнцов невесть куда! Ну что ж, проходите в дом, а я отведу лошадь в стойло.

Братья кивнули и зашли внутрь. Дом сапожника состоял из двух основных помещений. Войдя в прихожую, братья увидели мастерскую, посреди которой стоял широкий верстак, а на стене висели деревянные колодки разной формы и размера. Джорди взял в руки сапожный раскроечный нож, но Уинфред отдернул его.

– Ничего тут не трогай.

Другая часть дома состояла из спальни и маленькой комнаты, отдаленно напоминавшую гостиную. Питался сапожник, видимо, прямо в мастерской, не отходя от рабочего места.

На полке у входа стояли сапоги, на одном из которых Уинфред увидел потертое клеймо обувного мастера. Рыжебородый вернулся и захлопнул за собой дверь.

– Ну что же, располагайтесь. Чувствуйте себя как дома, – сказал сапожник. – Во всех смыслах этого слова, – усмехнувшись, добавил он. – Завтра вы останетесь здесь и будете помогать мне, а сейчас пойдемте ужинать.

Он поманил братьев за собой в комнату, где стоял маленький столик, который рыжебородый сапожник быстро накрыл разной снедью.

– Я думаю, Квинтин уже рассказал вам обо мне.

– Вы Райл, обувной мастер, – хором ответили братья.

– Верно. Я живу в этом городе уйму лет и, к моему удивлению, нужды в заказчиках до сих пор не испытываю, хотя проклятый Криспин последнее время здорово мешает моим заработкам!

– Мы хотели бы узнать, как скоро мы можем отправиться в столицу? – спросил Уинфред.

– Поезд отправляется через два дня со станции, которая находится неподалеку от города.

Надеюсь, Квинтин хотя бы снабдил вас деньгами на билеты?

– Сколько нынче стоит билет?

– Двенадцать шиллингов на двоих.

Уинфред задумался.

– Вам знакомо имя Линн? – спросил он у мастера.

– Да.

– Он останавливался у вас раньше?

– Ваш друг был здесь пару дней назад. Он выглядел крайне взволнованным. Я расспросил его о случившемся и услышал то, о чем Квинтин писал в письме. Безусловно, все это очень прискорбно, но причём здесь вы?

– Мы едем в столицу с целью найти дочь фермера. Есть надежда, что она осталась в живых. Линн упоминал о ней в своем рассказе?

– Надежда, может быть, и есть, но неужели вы думаете, что, оказавшись в столице, сможете что-либо предпринять для того, чтобы найти ее? Кто-то из вас хоть раз бывал там? Братья отрицательно покачали головами.

– А я бывал там однажды. Сельская деревенщина и местные оборванцы воображают, что в столице текут золотые реки, берущие начало прямо из-под ног Ее Величества, – захохотал сапожник. – На самом деле все совсем не так. Грязные улочки столичных окраин кишат дохляками и ворьем. Поэтому лучше будет включить разум, вернуться домой немедленно и забыть об этой затее, пока не поздно. Тем более, что ваш друг ни разу не упоминал ни о каких девушках.

– Он ничего не сказал о Меллони? – удивился Уинфред.

– Нет, этого имени он не называл.

– Но не могла же она исчезнуть без вести!

– Дружище, знаешь ли ты, что в зловонном тумане столицы каждый день кто-то исчезает без вести? Правда, некоторых потом находят неподвижно лежащими на земле и старательно обходят их стороной. Уинфред взглянул на брата. Тот заворуженно слушал мастера, в глазах его были видны страх и нерешительность.

– Не стоит вам братья за это дело, – продолжал сапожник. – Если опытные сыщики, знающие наизусть каждый клочок земли в столице и окрестностях, не справятся с этим, то у вас тем более нет шансов.

– Мастер Райл прав. Может, нам и правда вернуться? – нерешительно взглянул Джорди на брата.

– Можешь возвращаться прямо сейчас! Я уже давно все решил.

– Твое упрямство неуместно, – поворчал Райл. – Подумай еще раз, нужно ли тебе это?

– Да, через два дня я отправлюсь на поиски! – отрезал Уинфред. – Так ты со мной или нет? – спросил он у Джорди.

– Я с тобой, – смущенно ответил тот.

Сапожник нахмурился и что-то буркнул себе в бороду.

– Хорошо, я попытался вас отговорить, но запас моего красноречия иссяк. Постель в соседней комнате в вашем распоряжении, – сапожник убрал со стола и вышел во двор. Братья переглянулись. – Возможно, он прав? Представь, вот мы оказались в городе. Ты знаешь, куда идти и что делать? – спросил мальчишка.

– Давай сначала доберемся туда, а потом решим, что делать. В какой-то степени он действительно прав. Таким, как ты, не стоит отправляться так далеко, – усмехнулся Уинфред.

– Такие, как ты, быстро пропадут там одни без таких, как я! – парировал Джорди.

– Каких?

– Неважно! В любом случае тебе может понадобиться моя помощь. Да и возвращаться уже поздно.

Уинфред допил чай и зашел в комнату. То, что Райл назвал постелью, на самом деле оказалось обычным тюфяком, набитым соломой, на котором с трудом мог разместиться взрослый мужчина. «Это для Джорди, сам буду спать на полу,» – вздохнул Уинфред. Джорди зашел

в комнату, и, поколебавшись, вышел обратно. Вскоре он вернулся с большим холщовым мешком и протянул его брату. Набив его соломой и опилками, братья улеглись спать.

На следующее утро их разбудил громкий стук молотка из мастерской. Уинфред услышал хриплый голос сапожника и второго человека, видимо, покупателя.

– Могу подогнать вам размер побольше, чтобы не натирало ноги. Но тогда мне придется потратить больше материала, и цена будет на порядок выше!

– Качество кожи, из которой вы делаете обувь, оставляет желать лучшего по сравнению с той, которую использует мастер Криспин! – отвечал посетитель. – Да и дороже выйдет.

– Что же, был бы рад с вами поработать. Удачи вам через пару недель, когда, при первой же непогоде, подошвы ваших сапог превратятся в пыль.

– С чего бы это?

– Дело в том, что Криспин, этот бессовестный человек, с целью обмануть покупателей добавляет в кожу различные смеси, изготовленные из травы, которую его жена собирает на мусорной куче за ремесленными дворами. На первый взгляд, обувь может показаться очень качественной, но, поносив ее пару недель, вы убедитесь в обратном.

– Почему я должен вам верить? Возможно, мастер Криспин расскажет нечто подобное о вас, и окажется, что это вы занимаетесь сбором травы на мусорных кучах! И с чего вы взяли, что сорняки могут как-то влиять на то, как выглядят мои сапоги?

– Если бы мой дорогой покупатель был немного знаком с химией, он бы знал, что внутренние соки некоторых растений обладают окрашивающими свойствами. Краска выглядит очень натурально, но быстро стирается, как только на обувь попадает вода и уличная грязь, – улыбнулся сапожник.

– Хорошо, зайду к вам попозже, – ответил мужчина. – Но прежде навещу Криспина и поведаю ему ваши бредни.

– Чтобы услышать новые, вернуться и рассказать их мне? К сожалению, вечером я собираюсь поднять цену, поэтому советую вам поторопиться.

– А идите вы к черту! – крикнул покупатель и, выбежав, в сердцах пнул дверь ногой.

– Хорошего дня и постарайтесь не упасть лицом в лужу! – бросил ему вслед Райл, задыхаясь от хохота.

Уинфред улыбнулся и зашел в мастерскую.

– Это правда, что вы рассказали о своем конкуренте?

– Чего не сделаешь ради того, чтобы привлечь покупателя. Неужели ты оказался таким же наивным, поверив в мои сказки? – продолжал хохотать мастер. – Я уверен, что этот хрыч приползет сюда вечером за обувью, так что мы еще успеем повеселиться, а сейчас за работу! Буди брата, пускай сходит за снедью к обеду, и подай мне вот тот молоток.

Уинфред протянул инструмент мастеру и вышел. В прихожей он столкнулся с Джорди, оглядывающимся по сторонам.

– Когда я проснулся, то сначала долго не мог сообразить, где нахожусь... Мне снился дом...

– Сейчас еще рано думать о доме, братишка! Возьми пару шиллингов, отправляйся в бакалейную лавку и купи нам чего-нибудь к обеду, а я останусь помогать Райлу.

– Где эта лавка?

Выслушав объяснения, Джорди зажал в руке две монеты и вышел на улицу. Из мастерской вывалился красный и взмокший от пота сапожник.

– Что вы там копаетесь? Мне нужна твоя помощь.

Весь оставшийся день Уинфред провел в мастерской, поднося Райлу раскроечные ножи, колодки, шилья, дратву и все, что принадлежит сапожному мастерству. Мастер без устали работал молотком, изредка прерываясь, чтобы попить воды и выйти подышать. Вскоре вер-

нулся Джорди, принеся с собой хлеба, мяса и сыра. Райл бросил ему еще шиллинг и велел принести свежего молока, коротко объяснив, где его найти.

К вечеру вернулся выглядевший слегка пристыженным утренний посетитель.

– Прошу прощения за неучтивость. Обувь у Криспина, без сомнений, худшего качества, – смущенно сказал он.

– Так когда мы договоримся о цене? – с улыбкой спросил мастер.

– Можем прямо сейчас.

Недолго поторговавшись, они ударили по рукам. Посетитель ушел, забрав с собой пару новых сапог, а довольный Райл хмылялся, складывая монеты в кошелек.

– И как у вас ловко получается! – удивился Уинфред.

– Главное – разбираться в людях, – со знанием дела ответил мастер. – У Криспина он услышал занимательную историю о птичьем дерьме, которым я скрепляю подошву сапога. Юноша поморщился. Сапожник приказал ему убрать инструменты и разложить по полкам колодки, затем надел куртку и вышел. Джорди вернулся с кувшином молока, которое чуть не разлил, споткнувшись о кочку у входа в дом. Бранясь, он протянул кувшин Уинфреду и скинул с себя пыльную одежду.

– Весь день этот чертов сапожник посылал меня за всякой дребеденью, не давая и присесть.

– Ты должен быть благодарен за то, что он согласился приютить нас. Мы могли бы провести это время в поле. Забыл, как холодно там бывает ночью?

Братец что-то недовольно буркнул себе под нос и плюхнулся на тюфяк, набитый соломой.

Поздно вечером послышались раскаты грома, и яркие молнии начали то и дело вспыхивать на затянутом тяжелыми синими тучами небе. Дождь забарабанил по крыше. На тропинке, ведущей к калитке, побежал тонкий ручеек. Вернулся промокший до нитки Райл и протянул юноше две мятые бумажки. Уинфред развернул один из них и увидел черную, слегка расплывшуюся от воды печать. «*Huntingdon – Kings Cross. Third class rail ticket*», – стояло рядом с печатью. На другой стороне юноша увидел день недели, месяц, время отправления и несколько незнакомых имен и фамилий.

– Поезд отправляется завтра в одиннадцать утра! Соберите вещи и хорошо выспитесь, – посоветовал сапожник и скрылся в мастерской.

Юноша взял дорожную сумку, достал конверт и бережно сложил туда билеты. Затем потушил свечу и улегся на пол. Дождь стихал, и тяжелые капли уже не так сильно били по крыше.

Мысли о завтрашнем путешествии отгоняли сон. Джорди мирно сопел рядом, на тюфяке. Дождь совсем утих, когда Уинфреда наконец сморило.

Утром его разбудил сапожник. Юноша поднялся и огляделся по сторонам. В голове таяли обрывки сновидений. Джорди сидел рядом на своем тюфяке и протирал глаза. Райл указал братьям на стенные часы.

– Уже половина десятого. Собирайтесь, иначе опоздаете.

Братья оделись, сложили вещи в дорожную сумку, затем заглянули в «гостиную», где их ждала порция похлебки с хлебом и горячее молоко. Мастер стоял на улице и нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

– Лошадь останется у меня до вашего возвращения. Однако если вас не будет больше двух недель, я отдам ее первому встречному торговцу сукном, которые частенько навещают старого Квинтина. «Две недели! – подумал Уинфред. – Два дня на дорогу и двенадцать дней на поиски. Впрочем, если Меллони еще жива, то нам действительно стоит поторопиться».

Братья отправились в путь, и мастер, выйдя вместе с ними, захлопнул калитку. Некоторое время шли молча. Дойдя до каменной площади, Райл свернул в неприметный узкий пере-

улок, который перешел в небольшую аккуратную улочку. Время от времени встречались люди, нагруженные поклажей, некоторые проезжали верхом.

Из-за угла маленького каменного домика показался поворот. Сапожник остановился и махнул в ту сторону рукой.

– Дальше пойдете сами, здесь недалеко. Желаю вам удачи. Надеюсь, что вы исполните задуманное!

Братья пожали мастеру руку и двинулись дальше. Вскоре они вышли на маленькую, но довольно шумную площадь. В центре площади стояло добротное деревянное здание, над входной дверью висели большие часы. По обеим сторонам здания ютились торговые лотки, вокруг которых стоял гомон, толпились и суетились люди.

Внезапно на площадь въехал верхом богато одетый вельможа, сопровождаемый внушительной охраной. Из правого нагрудного кармана его костюма торчал кончик носового платка. Один из сопровождающих держал в руке продолговатую черную шляпу-цилиндр. Вельможа остановился у входа, с помощью охраны спустился на землю и, надев шляпу, прошествовал внутрь. Гомон толпы ненадолго стих и тут же возобновился. Уинфред оглянулся. Джорди уже топтался у одного из лотков, на котором продавались пирожки, и рылся в кошельке в поиске мелких монет. Юноша потянул его за рукав, показав на часы. Было пол-одиннадцатого.

Братья зашли в здание вокзала. Внутри находилось несколько деревянных скамеек, занятых людьми.

У небольшой стойки в углу толпился народ, видимо, не успевший за билетами. Как только человек в черном костюме отошел в сторону, мужчина у стойки развел руками.

– Билеты закончились. Ожидайте следующего рейса.

Люди в очереди, недовольно ворча, расходились. Один из них, невысокий мужичок с бегающими глазками, достал откуда-то деревянную табличку и нацарапал на ней: «Куплю билет до Кингс-Кросса. О цене договоримся». С этой табличкой он встал на крыльце, однако проходившие мимо люди не обращали на него внимания.

Рядом со стойкой находился выход на платформу. Проверяющий в потертой ливрее попросил братьев предъявить билеты. Уинфред протянул ему конверт, тот открыл его и, удостоверившись в наличии печатей, положил обратно.

– Счастливого пути!

Поднявшись на перрон, Уинфред услышал громкий свистящий звук, застучали колеса. На станцию выезжал окутанный дымом локомотив, тянувший за собой десяток вагонов.

Первый вагон выглядел весьма необычно. В глаза бросался яркий красный цвет, выделявшийся на фоне черного паровоза. Широкие окна были закрыты и зашторены узорчатыми занавесками, железные двери – слегка приоткрыты. Юноша взглянул на брата, тот завороченно поедал глазами поезд, не в силах пошевелиться. Уинфред был удивлен не меньше. Даже последний вагон, представлявший собой открытую платформу с грубыми деревянными скамьями, произвел на него впечатление.

На платформе появился проводник в синем кителе. Он прошел мимо каждого вагона, отпирая двери тяжелыми ключами, висящими на железном кольце. Дойдя до первого вагона, он отпер дверь и по очереди пригласил каждого из пассажиров внутрь. Юноша подошел к нему, протянул билет и справился, куда им садиться. Проводник молча показал в самый конец поезда.

Уинфред кивнул, поманил Джорди за собой и направился к последнему вагону. Взойдя на платформу, братья принялись искать свободное место. Почти все скамьи были заняты. Вернулся проводник и потребовал билеты. Засуетившиеся люди полезли в карманы и сумки. Уинфред достал конверт и протянул проводнику. Тот кивнул.

– Поезд отправляется через десять минут и проследует до вокзала «Кингс-Кросс» с остановками в Санди, Стивенидже и Хатфилде, вагон-ресторан находится в середине состава.

Желаю всем легкой дороги.

С этими словами проводник махнул рукой и удалился. Через десять минут раздался протяжный гудок, затем громкое шипение. Поезд со скрипом тронулся. Платформа с провожающими поплыла мимо. Локомотив прибавил ходу, и вскоре станция с крошечными силуэтами людей осталась далеко позади.

Поезд проезжал мимо густого дубового леса. Ветви гигантов-дубов свисали вниз почти до самого полотна. Большинство пассажиров дремали, лишь две женщины, судя по всему, кухарки, обсуждали достоинства и недостатки живой хлебной закваски, да лысый старикашка искал что-то в сумке и недовольно ворчал. Вскоре лес остался позади, и поезд выехал на равнину. Иногда вдаль мелькали деревянные домики. Уинфред вспомнил о своем доме и попытался представить, как бы он выглядел со стороны проезжающего поезда.

Наверно, таким же незаметным среди полей и зарослей кустарника.

Черный густой дым локомотива время от времени окутывал передвижную платформу с пассажирами, из-за чего те начинали громко кашлять. Джорди, наглотавшись дыма, тоже закашлялся и судорожно захрипел. Уинфред протянул ему платок. Обязанный вокруг рта мальчишки, платок вскоре почернел от копоти.

Домов становилось все больше, и вскоре поезд въехал в небольшой городок. Раздался гудок, затем свист локомотива, который подъехал к деревянной платформе. *Sandy* – было написано на табличке, рядом с которой толпились пассажиры. Пришел проводник, объявил двадцатиминутную стоянку и принялся проверять билеты у вновь прибывших. Уинфред соскочил на платформу и заметил большую очередь напротив вагона-ресторана. Вздохнув, он вернулся обратно и открыл дорожную сумку, достав оттуда приготовленные Райлом бутерброды.

Джорди, все еще зажимавший нос платком, отказался от еды.

Стоянка заканчивалась, и пассажиры постепенно стали расходиться по вагонам. Проводник ходил по платформе и разгонял группы безбилетников, желавших пробраться на поезд.

Очередь у вагона-ресторана рассосалась. Последним вышел мужчина в костюме и черном цилиндре на голове. Проводник, проходя мимо, подобострастно снял фуражку. Тот ответил коротким кивком.

Вновь раздался свисток и поезд начал трогаться, как вдруг невысокий лохматый мужичок, лихо перемахнув через деревянную ограду, возник на перроне. В руках он держал небольшой белый сверток.

– Стой! Куда!?! – вслед за ним, свистя на ходу, бежали блюститель порядка и проверяющий. Мужик шустро бросился догонять уходящий поезд и, поравнявшись с передвижной платформой, запрыгнул на нее. Его подхватили под плечи ухмыляющиеся мускулистые парни. Свистящий блюститель порядка, проверяющий и толпа улюлюкавших зевак остались позади. Мужик поблагодарил парней и уселся на свободное место. Вокруг него скамьи опустели. Кухарки брезгливо отодвинулись. Рабочий в засаленном фартуке уткнулся в газету, а пожилой мужчина в заштопанном костюме недовольно нахмурился.

Мужику, похоже, все это было безразлично.

– Чем нынче промышляете, господа? – беспечно улыбаясь, спросил он.

Кухарки отодвинулись еще дальше. Работяга взял газету и пересел на свободное место.

– А тебе что за дело? – раздался недовольный голос с задней скамьи.

– Да так! Я всего лишь интересуюсь, чем и как можно пробиваться в нашей славной столице, чтобы преждевременно не протянуть ноги.

– А кто ты такой сам?

– Я бедный крестьянин с окраин Санди, – с беззаботной улыбкой на лице ответил новый странный пассажир. – Сегодня я наконец-то решил уехать отсюда в надежде заработать денег и посмотреть мир!

С задних скамей послышался вздох.

– Еще один, – с укоризной проворчал кто-то из пассажиров.

– Ну что, неужели и вправду все гораздо хуже, чем я думал? – продолжал улыбаться мужик. – Удастся ли мне прожить хотя бы пару дней по приезде?

Молчание было ему ответом. Уинфред усмехнулся было, но тут же смущенно опустил глаза, ловя укоризненные взгляды. Черные от копоти лица пассажиров были угрюмы и безучастны.

Улыбка постепенно сползала с довольной физиономии мужика. Был он каким-то странным и необычным среди всего этого сборища потертых жизнью работяг и мастеровых. Похожее чувство Уинфред испытывал в детстве, когда, пробуя присоединиться к толпе играющих соседских детей, нарывался на недоуменные взгляды и выслушивал разные нелестные замечания и прозвища.

Он мог не опасаться насмешек и подколов лишь в небольшом кругу приятелей, которые ни разу не тыкали в него пальцем и не кидались переспевшими яблоками. Это были дети фермеров с окраин, а также сыновья торговцев, заезжавших порой в родную деревню. От них и от отца юноша узнавал новости о происходящем в ближайших окрестностях и больших городах. Некоторые рассказы порой захватывали дух, но чаще всего все было скучно и заурядно, временами даже трагично для простых работяг, и подвыпивший отец, вваливаясь вечером в дом, недовольно рычал: «Конец очередному суконщику из Питтсборо», затем, напевая себе под нос похабные песни, скрывался в своей комнате.

Джорди же был полной противоположностью брата. Будучи легкомысленным и крайне беспечным, он общался со всеми соседскими детьми и подолгу грустил, когда мать заставляла его целыми днями полоть грядки и пасти овец.

Мужик тем временем отчаялся услышать ответ на свой вопрос и тупо уставился в пол.

– Кто там интересовался работой? Тебе придется изрядно попачкать свои руки, сынок! – усмехнулся румяный толстяк в потной грязной рубахе. Мужик вздрогнул и обернулся.

Затем посмотрел на свои ладони, шершавые от мозолей и черные от грязи.

– Очередной наивный белоручка, – подхватил работяга с передней скамьи. – В доме его быстро приучат к настоящей работе!

Толстяк поднялся со своей скамьи и, подойдя к мужику, продемонстрировал ему свои огромные лапищи, черные и испещренные волдырями.

– В столице есть одно замечательное место, в которое частенько заглядывают любопытные путешественники и наивные торговцы волшебным порошком. Называется оно угольной фабрикой.

Хохот усилился, даже кухарки на миг прекратили болтовню и улыбнулись. Толстяк посмотрел по сторонам, довольный произведенным эффектом, и похлопал мужика по плечу.

– Мальчишки вроде тебя держатся там пару-тройку недель, затем, слегка приуныв, заканчивают путь в сточной канаве.

Вскоре уже почти вся передвижная платформа хохотала над изумленным смущенным мужичком, прижавшимся к углу скамьи, стараясь не упасть. Лишь две кухарки в углу продолжали болтать о своем, не обращая внимания на всеобщее веселье, да братья молча и изумленно наблюдали за происходящим.

– Да хорош тебе, Стю! Пошутил, и хватит. Человек работу ищет, а тебе лишь бы поглумиться, – проворчал подошедший тощий долговязый рабочий в засаленном фартуке. – Моему знакомому кузнецу на Джордж-стрит нужен был помощник. Тебе когда-либо доводилось работать по металлу? – спросил он у мужика, на лице которого возник явный интерес.

– Я много чего пробовал в своей жизни. Подрабатывал зеленщиком, помогал фермерам таскать сено, точил разделочные мясницкие ножи и тесаки. Если приведете меня к своему кузнецу, я останусь работать у него. Главное – не остаться без крыши над головой.

– Будешь жить у него. Плата вполне сносная.

Мужик оживился и протянул руку долговязому.

– Благодарю тебя, дружище! А тебе, – он перевел взгляд на толстяка, – стоило бы попробовать себя в роли уличного артиста. Веселить народ – прибыльное дело!

Толстяк усмехнулся и плюхнулся на скамью, отчего сидевший на краю старик чуть не вылетел наружу.

Ровный стук колес вновь сменился прерывистым скрипением тормозящего локомотива. Поезд въезжал в Стивенидж. На станции толпился народ и, против обыкновения, прогуливались уличные торговцы с тележками и сумками, громко зазывая купить свой товар.

На перроне появился проводник и объявил о часовой стоянке. Пассажиры покинули вагоны и начали разбредаться кто куда. Некоторые по-дружески обнимали встречающих, другие толпились вокруг тележки торговца выпечкой. Уинфред поинтересовался стоимостью пирожка с яблоком.

– Все по три пенни, – ответил торговец.

Юноша со вздохом убрал кошелек и, оглянувшись, заметил голодный взгляд брата.

За краем перрона рядом с привычным станционным домиком располагались торговые ряды местной ярмарки. Около продавца сладостей и булочника уже выстроилась очередь из пассажиров в костюмах и фраках, фартуках и платьях. Уинфред почувствовал чью-то руку на своем плече. Обернувшись, он увидел добродушную физиономию безбилетного мужика.

– Ты когда-нибудь был в торговом городе Стивенидж? – спросил он.

Юноша отрицательно покачал головой.

– Странно. Ты показался мне кем-то из местных, но не важно. Это место изобилует дарами, которые хитрые и алчные торговцы свозят сюда с других концов королевства. Здесь можно найти практически все, что только можно купить за деньги: от старых ржавых доспехов средневековых рыцарей до суконного белья и экзотических сладостей, привозимых из колонии. Первый раз я побывал здесь в твоем возрасте, сопровождая одного торговца, давнего друга моего отца. Мне тогда перепала небольшая доля того, что нам удалось продать, затем мы отправились в ближайший паб, а потом... впрочем, неважно, – загадочно улыбнулся мужик.

– Меня зовут Уинфред Скотт, – молвил юноша.

– Можешь называть меня Чарли, – представился новый знакомец.

– А что сейчас с вашим отцом?

Чарли посмотрел на небо и вновь загадочно улыбнулся.

– Почти с самого детства я был предоставлен самому себе и вскоре привык к этому. Мне нравится такая жизнь. Никто не указывает мне, как поступать, кроме хозяина дома, где я останавливаюсь на ночлег, и скупых обрюзглых торговцев, к которым мне порой удается наняться и заработать лишнюю пару шиллингов. Приходя вечером домой, я сплю и ем сколько мне вздумается. Мою мощну не отягощают родственники, жены и дети. Когда хозяин дома начинает не в меру возмущаться тем, насколько часто я плачу за жилье, я отправляюсь в ближайший паб. Нахожу там компанию из веселых и развязных джентльменов, болтливых лавочников и фермеров, и при каждом удобном случае наиболее лестно отзываюсь об этом замечательном человеке так, чтобы постояльцы впредь держали ухо востро и не останавливались на ночлег у кого попало. И наконец, совсем недавно я принял решение оставить вольную жизнь и переселиться в столицу. Там я надеюсь найти себе достойное занятие, а в дальнейшем, возможно, и обзавестись семьей. Да и ты, я думаю, не без причин отправился в путешествие, а?

– Один мой близкий родственник сильно захворал, – соврал Уинфред. – Мать послала нас с братом проведать его.

– Вас одних – так далеко? Странно, очень странно! – удивился Чарли. – Впрочем, не важно. Если едете – значит, так надо.

Юноша огляделся. Пассажиры разбрелись кто куда. У входа на платформу стоял проводник и что-то возбужденно рассказывал торговцу, чинно поглаживая бороду. Тот слушал,

нахмурил брови, и кивал головой.

– Прогуляемся? – предложил Чарли. Уинфред не стал отказываться.

Проходя мимо торговых рядов, он начал судорожно ощупывать свои карманы в поисках монет. В одном из карманов оказалось полшиллинга. Второй был дырявым, и Уинфред достал оттуда чудом не вывалившуюся бумажку с картой, набросанной от руки Квинтином, и коротким описанием пути. Юноша сунул бумажку за пазуху и заметил, что Чарли уже отирался у одного из лотков, болтая с хорошенькой торговкой. Мужик что-то говорил, а девушка отмахивалась от него, поминутно краснея и улыбаясь. Уинфред подошел к лотку и кашлянул, чтобы обратить на себя внимание.

– А-а! Это мой спутник и дальний родственник, эмигрировавший из Шотландии! К сожалению, его совесть осталась там же, где и его волянка, – похлопал юношу по плечу Чарли. – С ним мы путешествуем по стране и порой составляем компанию очаровательным леди вроде вас!

Девушка еще больше покраснела и убрала руку, которую чудаковатый спутник Уинфреда уже намеревался поцеловать.

– Вы и вправду весьма недурны собой! Однако отец не позволит мне ни минуты прогулки наедине с джентльменом, тем более в вечернее время, когда торговцы и добропорядочные жители города ложатся спать, а на улице остаются лишь блюстители порядка и люди, промышляющие черным бизнесом.

– А что, если джентльмен искушен в уличных потасовках? – расправив узкие плечи, спросил Чарли. – Неужто пара подвыпивших лавочников может оказаться препятствием?

– Эм-м... дружище! Наш поезд отправляется через полчаса, – потянув спутника за рукав, вмешался Уинфред.

– Пустяки! Все поезда мира подождут, пока я разговариваю с леди! – заявил тот. К лотку подошли посетители из числа пассажиров поезда и принялись рассматривать товар. Девушка еще больше захихикала и закрыла лицо руками, пытаясь скрыть смущение. Проходившие мимо смотрели на Чарли как на бесплатную забаву и беззлобно улыбались.

Оставив своего спутника мило болтать с молоденькой торговкой, Уинфред повернулся к соседним торговым рядам и принялся рассматривать товар. Торговали здесь практически всем, что могло прийти в голову: тяжелыми мясницкими ножами и тесаками, драгоценными украшениями и безделушками, суконным бельем и одеждой, медом и сладостями. Каждый старался прокричать как можно громче о своем товаре. Отовсюду слышались незнакомые слова, ругань и удивленные восклицания. Торговые ряды вскоре сменились лавками и пабами. У слегка приоткрытых дверей, облокотившись на деревянные подпорки и зевая, стояли угрюмые лавочники. У входа в ближайший паб толпился народ.

Как только юноша подошел ближе, дверь паба открылась, и оттуда появились два мускулистых увальня, таща под руки и ноги тощего и грязного, истощенно оравшего мужчину. Протащив его сквозь расступившуюся толпу, эти крепкие парни с шумом швырнули беднягу на пыльную мостовую. Из толпы послышался хохот. Оборванец громко и цветисто выругался, подобрал с мостовой камень и запустил его в макушку одному из увальней, попав между лопаток. Тот остался безучастен, к еще большему веселью толпы. С миниатюрного крыльца соседней лавки показалась молодая разукрашенная девица, чья одежда была до неприличия скудной. Облокотившись на ступени, она начала откровенно пялиться на Уинфреда, озирающегося по сторонам. Тот, заметив ее, шарахнулся в сторону.

Часы, висевшие у входа лавки часовых дел мастера, показывали половину третьего, напомнив юноше о скором отправлении поезда. Он развернулся и быстро двинулся в сторону станции. Добравшись до вроде бы знакомого перекрестка, Уинфред с удивлением обнаружил, что знакомый паб поменял название, а одна из лавок была закрыта, по-видимому, очень давно!

Мимо проходили грузчики с телегами, проезжала повозка. Юноша повернул направо, окидывая взглядом незнакомые лавки и лотки. Проходившие мимо люди куда-то спешили и на вопрос юноши «Где находится станция?» лишь нервно отмахивались. Наконец он уперся в заросший травой и засыпанный камнями тупик. В тупике стояла лавка торговца пряностями.

Торговец-индус выбрался из закутка и, убедившись, что юноша ничего не собирается покупать, скрылся.

– Пойдите! – окликнул его Уинфред. – Я опаздываю на поезд и не могу найти железнодорожную станцию!

Индус обернулся с недоумением на лице.

– Станция? Я не знаю никакой станции. Не хочешь купить немного шафран?

Юноша вежливо отказался и заспешил обратно. До перекрестка он добирался почти бегом. Грузчик с телегой в ответ на вопрос лишь махнул рукой куда-то в сторону деревянного здания с забавной резной фигуркой на крыше. Крыша чуть возвышалась над остальными и могла служить хорошим ориентиром. Проходя мимо здания, Уинфред увидел знакомую вывеску.

Толпа куда-то исчезла, лишь несколько человек стояли у крыльца паба и неспешно потягивали какой-то напиток из глиняных кружек. На углу здания неожиданно возник Чарли.

– Уинфред! Я тебя обыскался! Нам надо спешить!

Он схватил юношу за руку и потащил мимо торговых рядов. Добежав до перрона, они заметили, как проводник открывает дверцу вагона и скрывается внутри. Поезд окатил перрон клубами черного дыма и уже тронулся.

Когда двое отставших пассажиров оказались на перроне, поезд уже начал набирать ход. Уинфред заметил растерянное лицо брата на проезжающем мимо вагоне третьего класса. Он бросился к нему, расталкивая людей.

До края перрона оставалось совсем немного, когда проворный юноша, поравнявшись с передвижной платформой, запрыгнул на нее, ухватившись за протянутую руку Джорди. Чарли с неожиданной ловкостью перемахнул через деревянные перила и, едва не переломав ребра, был подхвачен толстяком и долговязым.

– Где тебя носило? – негодовал мальчишка. – Я просил проводника подождать, но он ответил, что не станет задерживать отправление из-за двух человек.

– Прости, мы слишком увлеклись прогулкой по ярмарке, – оправдывался брат, кивнув на своего нового спутника. Тот виновато улыбнулся и протянул руку Джорди.

– Чарли! – представился он. Мальчишка недоверчиво взглянул на нее и ответил на рукопожатие.

– А вы ловко провели раздетых стражей порядка!

– Наглость – второе счастье, малыш, – засмеялся Чарли, довольно поглаживая бороду.

Поезд мерно стучал колесами вдоль густого леса. Шелест листьев время от времени заглушался свистом локомотива. У края путей возникло заросшее ряской лесное озеро, сменившееся затем крутым оврагом, бровку которого покрывали густые высокие заросли бурьяна. Стук колес вдруг стал более звонким и начал отдаваться эхом где-то внизу. Поезд въехал на деревянный мост.

Далеко внизу, под мостом, виднелось тонкое русло бегущего ручья. Джорди закрыл глаза руками, боясь случайно посмотреть вниз.

Оставив мост позади, поезд вдруг резко качнулся из стороны в сторону и остановился. Локомотив протяжно засвистел. Пассажиры недоуменно переглянулись.

– Проклятье! – послышался спереди разгневанный голос проводника. Двое работяг встали со своих мест и спрыгнули вниз, на пути. За ними последовали остальные. Уинфред велел

Джорди охранять вещи и тоже спустился с передвижной платформы. Любопытный мальчишка собрался было пойти за ним, но брат погрозил ему пальцем, и тот остался нетерпеливо ерзать на скамье. Добравшись до головной части поезда, вокруг которой столпился взволнованный народ, Уинфред и Чарли увидели причину незапланированной остановки. Чуть впереди, в полуметре от передних колес локомотива, пути были разобраны, а деревянные шпалы выворочены из земли. Всюду торчали толстые железные болты, служившие креплением для рельсов.

– Похоже, опять местные охотнички решили поживиться металлом, – прокряхтел машинист, вылезая из кабины. Проводник перекинулся с ним парой слов, затем громко объявил о вынужденной остановке и задержке отправления, связанной с ремонтом путей. Раздосадованные пассажиры неохотно разбрелись по вагонам. Некоторые остались на путях, ожидая дальнейших событий.

Джорди сидел на платформе, болтая ногами. Чарли стоял, облокотившись на верстовой столб, и смотрел вдаль.

– И все-таки кому и для чего понадобилось разбирать пути посреди леса? – спросил юноша.

– А ты как думаешь? Ясное дело, для наживы! – пояснил Чарли. – Хороший металл нынче стоит недешево. Вот местные и решили поживиться. А чтобы пропажу обнаружили не сразу – выбрали место подальше и поглуше.

– И их не волнует, что поезд может сойти с рельс и жизнь пассажиров окажется под угрозой? – спросил мальчишка. Чарли в ответ лишь пожал плечами.

Спустя пару часов со стороны Хатфилда показался еще один локомотив, тащивший за собой вагон, груженный рельсами. Трое рабочих в кепках, сидевших на нем, спрыгнули вниз и начали выгружать рельсы, инструменты и запчасти. Затем они принялись поправлять и вкапывать в землю развороченные шпалы, класть на них свежие рельсы. Любопытные пассажиры высыпали из вагонов, чтобы поглазеть на происходящее.

Вскоре ремонт путей был закончен, и рабочие забрались в свой вагон, погрузив туда оставшийся инвентарь. Запасной локомотив, свистнув, двинулся вперед. Его силуэт становился все меньше и меньше, пока окончательно не скрылся за поворотом. Выждав необходимый промежуток времени, машинист велел всем занять свои места и осторожно повел поезд по свежепроложенным путям. Миновав опасный участок, локомотив издал протяжный свист и начал набирать скорость. Лес расступился, обнажив два крутых склона, поросших мелким кустарником. Пути проходили по дну склона, как будто огромный великан, колоссального роста и телосложения, разрезал землю гигантским мясницким тесаком. Пару раз Уинфреду показалось, будто чей-то силуэт промелькнул сквозь густые заросли. Он тряхнул головой, рассеяв наваждение.

До Хатфилда – следующей остановки – добрались без происшествий. На перроне толпился взволнованный народ. Как только поезд остановился, нетерпеливые пассажиры высыпали из вагонов. Некоторых тут же перехватили встречающие и забросали вопросами. Машинист выбрался из кабины, чтобы перевести дух и перекинуться парой слов с проводником, затем отправился к начальнику станции с докладом о задержке поезда. Уинфред предложил Чарли прогуляться, но тот отказался, сославшись на короткую остановку. Но, решив было никуда не идти, юноша поймал горящий взгляд Джорди.

– Теперь моя очередь исследовать окрестности, а вы останетесь следить за вещами!

– Без меня никуда не пойдешь! – возразил Уинфред.

– Идите, я могу посторожить, – предложил Чарли. Юноша подумал секунду и велел брату спускаться на перрон.

Хатфилд оказался маленьким городком вроде Хантингдона, и в то же время сильно отличался от него. С одной стороны, близость столицы давала о себе знать. Оживление, шум и пест-

рая разношерстная толпа были братьям в новинку, в отличие от тихих аккуратных улочек Хантингдона. С другой стороны, ютившиеся в непосредственной близости друг от друга домишки и лавчонки ничуть не напоминали жилища в сердце древнего графства, стоявшие в почтительном расстоянии друг от друга. Где-то вдалеке виднелась крыша усадьбы

«Хатфилд-Хаус» – центра города. Уинфред решил отложить экскурсию туда, и, несмотря на большой соблазн разглядеть здание поближе, велел Джорди поворачивать обратно. Мальчишка, которому все было в диковинку после многолетнего заточения в сельской местности, жадно пожирал глазами каждый каменный домишко и деревянную лавчонку торговцев всякой всячиной. Но всякий раз, когда он намеревался подойти ближе к какой-нибудь забегаловке и заглянуть внутрь, его останавливала опускавшаяся на плечо рука брата. Уинфред не спускал с него глаз, не забывая в тоже время и смотреть по сторонам.

Время подходило к концу, и братья решили вернуться на станцию. Добравшись до места, они обнаружили, что перрон заметно опустел. Лишь двое мужчин в костюмах стояли у входа в станционный домик и что-то обсуждали, да проводник нервно расхаживал из стороны в сторону, сложив руки за спиной. Передвижная платформа тоже заметно опустела.

У многих работяг в Хатфилде были родственники. Другие старались найти заработок именно здесь, не решаясь доехать до Лондона. Чарли спокойно ждал, забавляясь с деревянной фигуркой чертика, и безмятежно улыбался. Увидев братьев, он спрятал чертика в карман и приветливо махнул рукой. Проводник перестал наконец-то колесить по перрону и взглянул на часы. Затем поспешно скрылся в своем вагоне. Поезд, свистнув, тронулся, и вскоре дивный незнакомый городок остался позади.

Сумерки сгущались все сильнее, когда поезд начал слегка сбавлять ход в преддверии скорой остановки. Вдалеке показались аккуратные каменные домики с черепичными крышами.

С правой стороны открылся живописный вид на городской парк. Вдоль парка протянулось озеро, больше похожее на небольшое водохранилище, вскоре сменившееся маленькой речушкой, протекавшей в низине вдоль путей. Миновав мост через речушку, поезд перестал тормозить и поехал с прежней скоростью, оставляя позади кварталы окраинных домишек. Здесь многие дома, к изумлению Уинфреда, были деревянными. Он по-другому представлял себе эти места. С другой стороны, здесь наверняка жили самые обыкновенные люди, отличавшиеся от его, Уинфреда, земляков лишь манерами поведения и достатком. Благополучие здешних земель определенно подвергалось сомнению. Юноша поделился своими мыслями с Чарли.

– Нашел чему удивляться! Мы едем по задворкам. Все самое сочное – впереди! – подмигнул тот.

Уинфред вновь осмотрелся. Кварталы начали сгущаться, и вскоре постройки подступили вплотную к путям. Узкий переулок между домами и путями был заполнен тележками мастеровых и ремесленников. Слева показался еще один городской парк. В нем юноша увидел красивую аллею с подстриженным газоном и лавочками. На одной из них сидели благородные эсквайры в костюмах и шляпах, чинно беседуя и лениво жестикулируя ладонями в белых перчатках. Черный дым локомотива смешивался с негустым, но плотным туманом. Сквозь туман с трудом пробивались лучи заходящего солнца. Вечерняя прохлада давала о себе знать, и юноша накинул на брата свою куртку, несмотря на его ворчание и протесты.

Поезд, прогудев, вновь начал тормозить. Домики исчезли, на их месте возникли массивные здания, вокруг которых деловито сновали фигурки людей. Некоторые из них тащили увесистые

мешки, древесину и тросы. Над крышей самого высокого здания возвышалась широкая каменная труба, нещадно задымлявшая все вокруг. Локомотив по сравнению с ней был костерком на фоне пожарища. Миновав это неприглядное дымное местечко, поезд снова оказался между кварталами невысоких домишек с черепичными крышами. Пути начали расходиться,

и вскоре уже змеились по обеим сторонам от движущейся платформы с пассажирами. На некоторых путях стояли одинокие вагоны. На одном путники увидели даже целый состав, который деловитые рабочие в кепках загружали древесиной.

Впереди вместо привычного полустанка и маленького станционного домика показались очертания огромного здания с арками и колоннами. Железнодорожные пути вели к арке, чтобы исчезнуть внутри. Размеры вокзала поражали воображение. Широкая платформа, выложенная, по-видимому, из гранита (неведомого для Уинфреда материала, о котором он слышал от торговцев), располагалась по обеим сторонам от путей. Высокий потолок поддерживали колонны с искусно вырезанным орнаментом. На толстых стальных балках потолка гнездились птицы. Платформы освещались яркими светильниками, позволявшими разглядеть все до мельчайших подробностей.

Вечерняя прохлада здесь ощущалась не так сильно. Запахи угля и дыма, исходившие от локомотива, смешивались с запахом заправки светильников. Народу здесь было великое множество. Толпа на ярмарке в Стивенидже – самое большое скопление людей, которое за свою жизнь видели братья – была лишь жалкой кучкой людей по сравнению со здешним разношерстным людским муравейником. Поезд добрался до конца путей и остановился. Проводник принялся выпускать пассажиров из вагонов. Пассажиров, ехавших первым и вторым классами, он поздравлял с прибытием и желал легкой дороги, остальным лишь кивал с просьбой скорее покинуть состав. Уинфред подтолкнул разинувшего рот брата и взял свою дорожную сумку.

Как только они спустились на платформу, Чарли тут же был схвачен суровыми констеблями. Юноша, недоумевая, попытался выяснить причину сего недоразумения, но констебль остановил его небрежным взмахом руки. Толпа сомкнулась и скрыла из виду странного спутника Уинфреда.

– Зачем они забрали его? – спросил Джорди.

– Возможно, кто-то отправил почтового голубя с донесением о нарушении, – услышали они голос длинного работяги в кепке. – Ваш друг слишком наивен, если думает, что, не оплатив славный труд железнодорожников, сможет добраться до города безнаказанно.

– Мы отправимся вызволять его? – спросил мальчишка, дергая брата за рукав.

– Мы обязательно постараемся вытащить его из всей этой истории, но позже, – ответил юноша. – Сейчас у нас есть более важная цель, не терпящая отлагательств.

Он пожал руку работяге и стал пробираться сквозь толпу к выходу из вокзала. Джорди последовал за ним. Констебль, следивший за порядком на платформах, указал, как пройти к выходной арке. Уинфред решительно двинулся туда, придерживая сумку и вспоминая наставления Квинтина о ворах-карманниках. Покинув величественный, но тесный от толкучки и душный от испарений масляных фонарей склеп вокзала, братья оказались на вымощенной камнем площади. Здесь было столь же многолюдно. Выезд с площади был перекрыт повозками, и многочисленные констебли разгоняли столпившихся возчиков. Один из них встал посреди дороги, пытаясь водворить порядок. Нетерпеливые возчики сопели и вытягивали головы, следя за констеблем, проверявшим содержимое повозок и взимающим таможенную мзду. Другой констебль помогал ему, успокаивая возмущенных «столь дьявольскими поборами».

Всюду сновали торопившиеся куда-то люди, останавливаясь лишь затем, чтобы взглянуть на огромные часы, висевшие на здании вокзала. Вокзал продолжал поражать воображение и здесь, на площади. Его стены, возвышавшиеся над кварталами домишек, были украшены искусным орнаментом и причудливыми узорами, которые только мог запечатлеть холодный камень. Густой туман висел над площадью и прилегающими улицами, давая разглядеть лишь считанные кусочки городских кварталов. Темнота наступивших сумерек уменьшала видимость до нескольких десятков метров.

Уинфред пошарил за пазухой и достал сверток с нарисованной от руки картой. Судя по карте, где-то рядом площадь пересекал широкий тракт под названием *The New Road*. Ближе к востоку карты тракт менял название на *Pentonville Road*. И затем устремлялся куда-то вглубь города, теряясь среди причудливых переплетений других трактов и улиц.

Юноша разглядывал карту, а Джорди топтался рядом, переминаясь с ноги на ногу и согревая замерзшие руки дыханием. Снизу под картой был указан адрес. «*Guildford Street. House number four*», – прошептал Уинфред. Стрелки на карте вели к нарисованному квадрату дома, пересекая вокзальную площадь. Сразу за ней улица *Pentonville Road* соединялась с улицей поменьше. Юноша тщетно пытался понять, что означали, символы и отметки, нарисованные вдоль дороги, к которым Квинтин не успел дописать пояснения.

Туман ненадолго развеялся, и впереди показалась дорога. Каменная мостовая сменилась земляным грунтом и слякотью. Каменные домики ютились по обеим сторонам дороги. Тусклый свет фонарей позволял разглядеть, что находилось на несколько ярдов впереди. Туман вновь сгустился, да так сильно, что Уинфред чуть было не потерял из виду брата, чей расплывчатый силуэт то и дело пропадал в темном густом мареве. Круг с нарисованной внутри замысловатой фигуркой на карте оказался постоянным двором. Дверь была слегка приоткрыта. Изнутри тянуло свежим молоком и горячим хлебом. Уинфред, недолго думая, поманил брата за собой и направился к двери. Внутри было довольно тесно. Маленькие узкие столы были расставлены у стен, оставляя проход посередине. Запах съестного исходил от деревянной стойки в другом конце помещения, за которой братья увидели упитанного хозяина заведения.

– Что вам угодно, друзья? – спросил он, едва братья поравнялись со стойкой. – Могу предложить вам свежее жареное мясо, похлебку и джин.

– Нам бы остановиться на ночлег!

– Нет проблем. Свободная комната на двоих обойдется вам в два шиллинга за ночь.

Хозяин вышел из-за стойки, пригласив братьев следовать за собой. Маленькая комнатка находилась на втором этаже, куда вела скользкая винтовая лестница. Две деревянные койки, стоявшие по бокам, больше порадовали братьев, чем набитые соломой тюфяки. В ногах одной из коек лежали потертые суконные одеяла и застиранные простыни. Подушки были вроде тех, что Уинфред мастерил дома из холстины и сухого душистого сена.

– Чувствуйте себя как дома, друзья! – радушно объявил хозяин. Уинфред порылся в сумке и протянул хозяину две монеты. Тот зажал их в кулаке.

– Я хочу есть! – воскликнул вдруг Джорди. Юноша укоризненно взглянул на него, но вспомнил, что сам не брал в рот ни кусочка с тех пор, как они останавливались в Стивенидже. Хозяин обернулся.

– Если желаете перекусить – я буду ждать внизу, – и стал спускаться по лестнице. Уинфред положил свою куртку на кровать, затем спрятал туда сумку, вынув из нее все ценное.

Конверт с деньгами и картой без труда поместился в кармане широкополых штанов. Юноша вынул из него несколько пенни и зажал в кулаке. На двери комнатки висел замок, ключ от которого хозяин вручил Уинфреду с условием, что тот обязуется отдать его после двух часов пополудни, когда братьям настанет время покинуть постоянный двор. Хотя куда они отправятся потом, когда станут известны подробности происшествия, юноша не имел ни малейшего понятия. Спустившись, братья сели за столик, и Уинфред попросил хозяина принести две порции похлебки, свежего хлеба и молока. После долгого путешествия на поезде горячая еда оказалась весьма кстати. Расправившись со своей порцией, Джорди

хотел было попросить еще, но брат погрозил ему пальцем.

– Неизвестно, как надолго нам придется задержаться здесь. Надо разумно расходовать те средства, что оставил почтенный Квинтин.

Мальчишка понимающе кивнул. Расплатившись и поблагодарив хозяина за угощение, братья поднялись наверх и скрылись в своей комнате.

Уинфред проснулся рано утром. Перед глазами все еще стояла картина из приснившегося кошмара, в котором ему довелось побывать сторонним наблюдателем. Меллони в этом сне была заперта в тесном узком помещении. Сумрачные тени металась из стороны в сторону, всюду сверкали ядовито-зеленые огоньки. Были слышны шепот и невнятное бормотание незнакомых голосов. Уинфред потянулся к девушке, попытался взять ее за руку, но та лишь отмахивалась, и на лице у нее был написан неподдельный ужас. Затем темная комната начала отдаляться. Шепот стих, и юноша проснулся, сжимая вспотевшими ладонями мятую суконную простыню. Испарения густого утреннего тумана проникали в комнату сквозь слегка приоткрытое оконце. Юноша закрыл окно, накинул свое одеяло на мерзнувшего во сне брата. Затем он взял куртку и дорожную сумку, бесшумно приоткрыл дверь и вышел. За столами внизу сидели двое мастеровых в фартуках, пили джин, поминутно зевая, и на чем свет стоит ругали какого-то Джеймса. Хозяина не было видно.

Уинфред оказался на улице. Вечернее безмолвие здесь сменилось шумной утренней суетой. Грохотали повозки, раздавались удары молота из кузни. Туман был таким густым, что, стоя на крыльце, юноша не видел другого конца улицы. Осторожно ступая по слякотной влажной дороге, он направился вниз по улице, руководствуясь картой. Знак молотка, нарисованный на ней, оправдал себя: через несколько ярдов и вправду появилась кузня. Грохот молота заглушали скрип телеги и крики старьевщика «Ненужные вещи! Собираю ненужные вещи!»

Спешащие по своим многочисленным делам люди выглядели даже проще тех, кого Уинфред видел в провинциальных Стивенидже и Хатфилде. Эти люди вовсе не казались беззаботными баловнями судьбы. Суровые реалии города гармонировали со строгостью и утонченностью нравов. Каждый точно знал свое место в этом мирке: и смуглый от копоти сборщик золы, и разгоряченный от жара кузнец, и шустрый мальчишка, тащивший инструменты отца-медника, который, в свою очередь, нес на плече увесистую наковальню. Уинфред видел перед собой обыкновенных мастеровых, чья работа была для них смыслом и единственным способом существования. Он вглядывался в лица местных жителей и не замечал в них ничего, кроме деловитости и сосредоточенности, даже дети здесь были серьезны, не в пример сельской беззаботной детворе. Никаких следов благополучия и счастья. «Быть может, это не тот Лондон?» – засомневался юноша. – Неужели здесь ничуть не лучше, чем у нас? Либо я еще недостаточно увидел?»

Справа показалась площадь и зеленый сад, обнесенный невысокой оградой. Внутри сада, судя по карте, находился госпиталь. Его силуэт был не в пример выше остальных зданий, теснившихся по обеим сторонам улицы. Зодчий постарался на славу, отделав стены белым камнем и другим, неведомым Уинфреду материалом. Железная ограда и суровый констебль у входа напомнили юноше, где он находится. Сразу за зданием госпиталя стоял указатель, за которым находился поворот на *Guilford Street*. Стрелки на карте указывали на эту улицу и упирались в темный квадрат дома Каррингтонов. Юноша свернул к дому. Здесь оказалось не так мрачно, по сравнению с привокзальными окраинами. Каменные двухэтажные дома и мастерские располагались на почтительном расстоянии друг от друга. Сквозь туман показалась вывеска местного питейного заведения, обозначенного на карте кружком с переливавшейся через край пенистой жидкостью. Юноша пристально вглядывался в номера зданий, стараясь не пропустить нужный. За очередным поворотом показался наиболее высокий из двухэтажных домов, стоявший особняком. На карте он был обозначен в точности там, где и должен был находиться. Маленький, но красивый палисадник с коротко стриженным кустарником и круглыми клумбами во дворе был обнесен деревянной оградой. Через двор пролегла извилистая каменная тропинка, ведущая к крыльцу. У крыльца стоял констебль в униформе и цилиндре, задумчиво скрестив руки на груди.

– Что тебе нужно, парень? – поинтересовался тот у юноши. – Входить в дом можно только детективам и блюстителям порядка.

– Я лишь хотел узнать подробности происшествия.

– Эта информация находится в компетенции детективного агентства. С какой целью ты ею интересуешься? – насторожился констебль.

– Я прибыл сюда по поручению господина Квинтина Дикенсона. Его интересует, что стало с его дочерью Меллони.

– Вы знаете мисс Меллони? – удивился тот, забыв, что перед ним стоит вчерашний мальчишка. – Что ж! Все, что я могу сделать для вас – так это позволить осмотреть место происшествия.

Но никому из нас пока что подлинно неизвестна судьба молодой мисс. В доме нет ни ее тела, ни следов насилия над нею.

Констебль открыл дверь и пригласил Уинфреда внутрь. Сразу за холлом у входа в гостиную находилась лестница, ведущая на второй этаж. У ее подножия горбился, сидя на коленях и разглядывая что-то в лупу, сыщик. Он сразу недовольно покосился на священника, который невнятно бормотал себе в бороду, закрыв глаза. Констебль хотел было пригласить юношу наверх, но сыщик вдруг поднял руку в предупреждающем жесте.

– Все, что находится наверху, еще не было изучено до конца. Некоторые из улики могут быть повреждены или утрачены, если мы будем пускать туда кого попало.

– Этот юноша знал мисс Меллони. Думаю, он имеет право на осмотр ее жилища.

Сыщик нехотя отодвинулся, давая проход. Уинфред осторожно поднялся по лестнице, стараясь не наступать на рассыпанные сыщиком химикаты. Наверху оказалась еще одна просторная комната без окон и с большим зеркалом у стены. Справа от лестницы была наглухо запертая дверь с большим железным замком. На полу юноша с ужасом заметил следы крови, давно успевшие засохнуть. Эти следы были повсюду и вели в спальню, дверь которой была сорвана с петель и валялась тут же. В спальне второй сыщик исследовал какую-то вещицу, видимо, принадлежавшую убийце. Увидев пришедших, он прищурился в монокль, но не сказал ни слова. Некогда красивая двухместная постель была почти вся обезображена кровью. Констебль поморщился.

– Вы узнаете это место? – спросил он у Уинфреда. Тот удивился.

– Нет, вы, видимо, что-то путаете! Я никогда не был здесь раньше. С Меллони мы познакомились, еще когда она жила в доме своего отца.

Констебль кивнул. Второй сыщик, оторвавшись на миг от своих наблюдений, строго попросил не мешать следствию. Пришлось покинуть спальню и спуститься вниз. Внизу уже не было ничего, напоминавшего об убийстве. Гостиная, предоставленная священнику, была обставлена в лучших традициях гостеприимства. Серванты, кресла с широкими подлокотниками для джентльменов и маленькими ручками для леди. Просторное помещение не было загромождено лишней мебелью, но в то же время было очевидно, что здесь жили аристократы.

Круглый стол в центре гостиной был уставлен посудой из серванта. В одной из фарфоровых чашек остывал чай, который хозяин, похоже, так и не успел допить.

Внизу, в подвальном этаже, была устроена кухня, откуда кухарка приносила ужин жителям дома, и комнаты нижней прислуги. Но туда Уинфреду спуститься не позволили все по той же причине – обыск дома и сбор улики еще не были закончены. Убранство гостиной дополнял камин, в котором уже давно остыли головешки. Священник уже был здесь и с тем же восхищением осматривал убранство дома, не забывая бормотать положенные ему слова. Кстати, а куда подевалась вся прислуга? Уинфред старался это понять.

Ведь в таком благородном жилище ее должно было быть не менее пяти душ. Констебль, словно услышав его мысли, сообщил, что верный вассал господина Кортни, по имени Линн, сразу после случившегося отправился в Хантингдон (Уинфред кивнул, услышав знакомое

имя), и с тех пор вестей от него не поступало. Садовник, кучер и горничная были срочно отсланы домой, в доме они уже не нужны и будут пытаться найти себе новое место. А кухарка и пожилой дворецкий, нанятые еще самим покойным Бертоном, были зверски убиты.

Об остальных слугах констебль не упомянул.

Из гостиной вела дверь в просторный кабинет. Здесь был стол, заваленный бумагами. Некоторые из них были испещрены чернилами и помечены странными печатями. На стене висел портрет господина Бертона Каррингтона, с благородной сединой и в строгом костюме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.